

К. Д. БАЛЬМОНТЪ.

КНИГА ВТОРАЯ.

К. Д. БАЛЬМОНТЪ.

СОБРАНІЕ ЛИРИКИ.

КНИГА ВТОРАЯ.

ИЗДАНИЕ
В. В. ПАШУКАНИСА.

К. Д. БАЛЬМОНТЪ.

ВЪ БЕЗБРЕЖНОСТИ.

ГОЛОСА ПРИРОДЫ.

МОСКВА.

1917.

1. ЗА ПРЕДѢЛЫ.—2. ЛЮБОВЬ И ТѢНИ ЛЮБВИ.—
3. МЕЖДУ НОЧЬЮ И ДНЕМЪ.

ВЪ БЕЗБРЕЖНОСТИ.

Землю цѣлуй, и неустанно ненасытимо люби, всѣхъ люби, все люби, ищи восторга и изступленія сего.

ДОСТОЕВСКІЙ.

П Р О С Я Т Ъ

исправитъ слѣдующія погрѣшности:—

напечатано:

слѣдуетъ:

45, 2. печально;

печально:

57, 4. Воспоминанье

Воспоминанье

82, 6. воздухъ

вдохъ

111, 12. говоритъ

горить

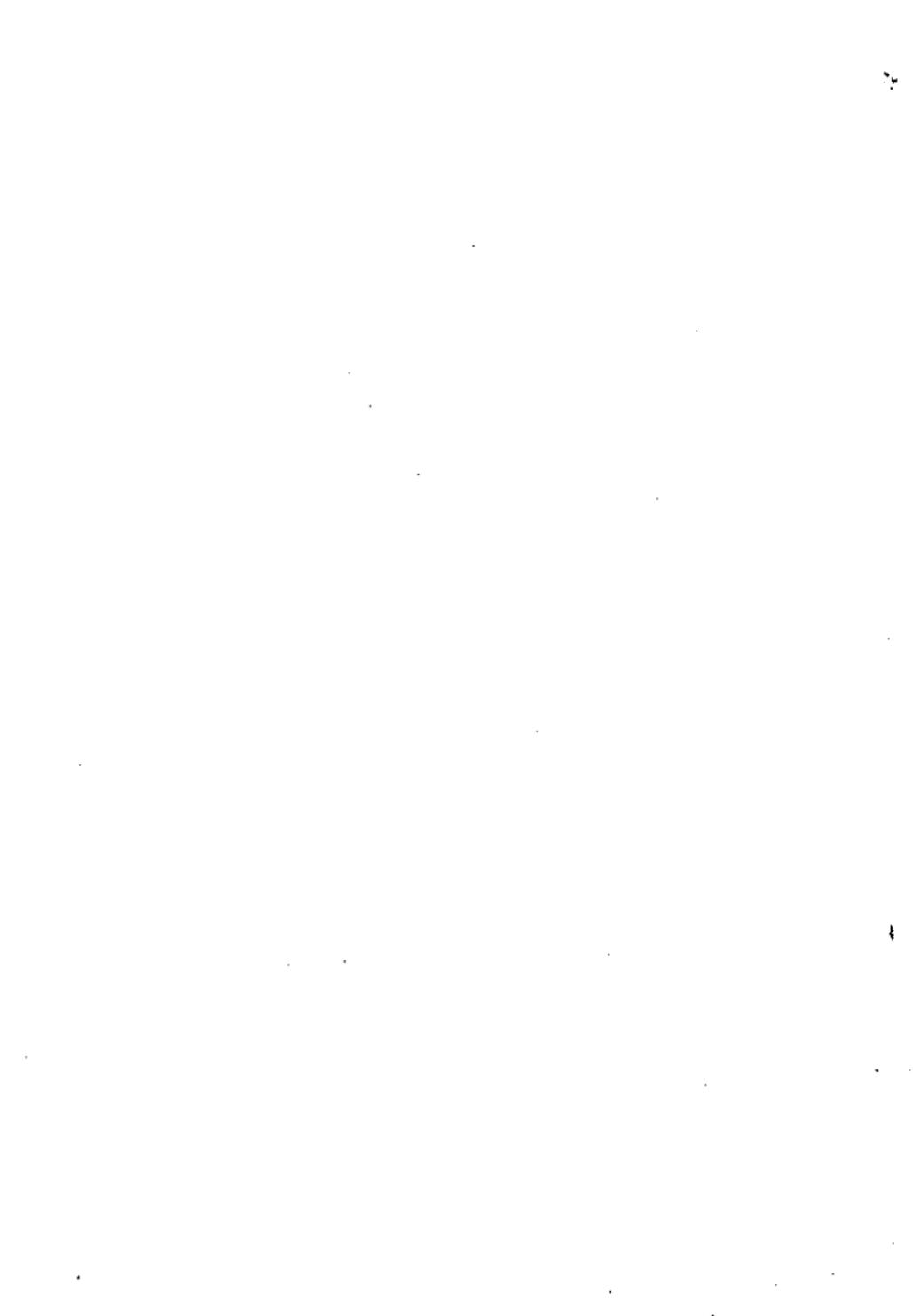
Я мечтою ловилъ уходящія тьни,
Уходящія тьни погасавшаго дня,
Я на башню всходилъ, и дрожали ступени,
И дрожали ступени подъ ногой у меня.

И чѣмъ выше я шелъ, тѣмъ ясный рисовались,
Тѣмъ ясный рисовались очертанья вдали,
И какіе-то звуки вкругъ раздавались,
Вкругъ меня раздавались отъ Небесъ и Земли.

Чѣмъ я выше всходилъ, тѣмъ свѣтлѣ сверкали,
Тѣмъ свѣтлѣ сверкали выси дремлющихъ горъ,
И сіяньемъ прощальнымъ какъ будто ласкали,
Словно нѣжно ласкали туманенный взоръ.

И внизу подо мною ужъ ночь наступила,
Уже ночь наступила для уснувшей Земли,
Для меня-же блистало дневное свѣтило,
Огневое свѣтило догорало вдали.

Я узналъ, какъ ловить уходящія тьни,
Уходящія тьни потускнѣвшаго дня,
И все выше я шелъ, и дрожали ступени,
И дрожали ступени подъ ногой у меня.

ЗА ПРЕДѢЛЫ.

Вѣчность движенья—
Область моя.
Смерть и рожденье,
Такая бытія.

Гете, Духъ Земли.

БОЛОТНЫЯ ЛИЛИ.

Поблѣднѣвшіе, нѣжно-стыдливые,
 Распустились въ болотной глуши
 Бѣлыхъ лилій цвѣты молчаливые,
 И вокругъ нихъ шелестятъ камыши.

Бѣлыхъ лилій цвѣты серебристые
 Вырастаютъ съ глубокаго дна,
 Гдѣ не свѣтятъ лучи золотистые,
 Гдѣ вода холодна и темна.

И не манять ихъ страсти преступныя,
 Ихъ волненья къ себѣ не зовутъ,
 Для нескромныхъ очей недоступныя,
 Для себя онѣ только живутъ.

Проникаясь рѣшимостью твердою
 Жить мечтой и достичь высоты,
 Распускаются съ пышностью гордою
 Бѣлыхъ лилій нѣмые цвѣты.

Расцвѣтуть, и поблекнуть безстрастныя,
 Далеко отъ владѣній людскихъ,
 И распустятся снова, прекрасныя,—
 И никто не узнаетъ о нихъ.

* * *

Все мнѣ грезится Море да Небо глубокое,
Безконечная грусть, безграничная даль,
Трепетаніе звѣздъ, ихъ мерцанье стоокое,
Догорающихъ тучекъ нѣмая печаль.

Все мнѣ чудится вздохъ камыша почерпѣлаго,
Глушь родимыхъ лѣсовъ, заповѣдный затонъ,
И надъ озеромъ пѣніе лебедя бѣлаго,
Точно сердца несмѣлаго жалобный стонъ.

НА ДАЛЬНОМЪ ПОЛЮСѢ.

На дальнемъ полюсѣ, гдѣ Солнце никогда
 Огнемъ своихъ лучей цвѣты не возрождаетъ,
 Гдѣ въ мертвомъ воздухѣ ослоты изъ льда
 Безумная Луна, не грѣя, освѣщаетъ,—

Въ предѣлахъ Сѣвера тоскуетъ Океанъ
 Неумирающимъ безцѣльнымъ рокотаньемъ,
 И, точно всунутый, крутится ураганъ,
 И вдалѣ уносится со вздохомъ и съ рыданьемъ.

На дальнемъ полюсѣ, гдѣ жизнь и смерть—одно,
 Моментъ спокойствія предъ вечеромъ подкрался:—
 Все было яркимъ спомъ лучей озарено,
 И только Океанъ угрюмо волновался.

Но вотъ застылъ и опъ. Была ясна вода,
 Огнистая, она терялася въ пространствѣ,
 И, какъ хрустальные пѣмьы города,
 Вздыхались глыбы льдовѣ—въ иструцутомъ убранствѣ.

И точно вопрошалъ пустынный міръ: «За что?»
 И красота кругомъ безмерная блистала.

И этой красоты не увидалъ никто,
Увы, она сама себя не увидала.

И быстротечный мигъ былъ полонъ страшныхъ чаръ,—
Полугасшій день обнялся съ Океаномъ.
Но жизни не было. И Солнца красный шаръ
Тонулъ въ безстрастїи, склоняясь къ новымъ странамъ

КАМЫШИ.

Полночной порою въ болотной глуши
Чуть слышно, безшумно, шуршатъ камыши.

О чемъ они шепчуть? О чемъ говорить?
Зачѣмъ огоньки между ними горять?

Мелькають, мигаютъ,—и снова ихъ пѣть.
И снова забрезжилъ блуждающій свѣтъ.

Полночной порою камыши шелестятъ.
Въ нихъ жабы прѣзжаются, въ нихъ змѣи свистятъ.

Въ болотѣ дрожить умирающій ликъ.
То Мѣсяць багровый печально поникъ.

И тиной запахло. И сырость ползеть.
Трясина замащитъ, сожметъ, засосетъ.

«Кого? Для чего?»—камыши говорятъ.
«Зачѣмъ огоньки между нами горять?»

Но Мѣсяць печальный безмолвно поникъ.
Не знаетъ. Склоняетъ все ниже свой ликъ.

И, вздохъ повторяя погибшей души,
Тоскливо, безшумно, шуршатъ камыши.

ПОДВОДНЫЯ РАСТЕНЬЯ.

На днѣ морскомъ подводныя растенья
 Распрострапаяють блѣдныя листы,
 И глугутся, растутъ какъ привидѣнья,
 Въ безмолвіи угрюмой темноты.

Ихъ тяготитъ покой уединенья,
 Ихъ манитъ міръ безвѣстной высоты,
 Имъ хочется любви, лучей, волненья,
 Имъ снятся ароматныя цвѣты.

Но пѣтъ пути въ страну борьбы и свѣта,
 Молчитъ кругомъ холодная вода.
 Акулы проплывають иногда.

Ни проблеска, ни звука, ни привѣта.
 И сверху посылаеть зыбь морей
 Лишь трупы и обломки кораблей.

ПУСТЫНЯ.

Я видѣлъ Норвежскіе фьорды съ ихъ жесткой бездушн^{ой}
красой,

Я видѣлъ долину Арагвы, омытую свѣжей росой,
Исландіи берегъ холодный, и Альпъ снѣговые хребты,—
Люблю я Пустыню, Пустыню, царицу земной красоты.

Моря, и долины, и фьорды, и глыбы тоскующихъ горъ
Лишь краткой окутаютъ лаской, на мигъ убаюкаютъ взоръ,
А образъ безмолвной Пустыни, царицы земной красоты,
Войдя, не выходитъ изъ сердца, навѣкъ отравляетъ мечты.

Въ молчаньи песковъ безпредѣльныхъ я слышу невѣдомый
шумъ,

Какъ будто въ дали необъятной вѣстаетъ и кружится самумъ,
Вѣстаетъ, и бѣжитъ, пропадаетъ, — и снова молчанье
ростетъ,

И снова миражъ лучезарный обманно узоры плететъ.

И мапить куда-то далеко незримая чудная власть,
И мысль поднимается къ Небу, чтобъ снова безвильно
унасть:

Какъ будто бы Жизнь задрожала, съ напрасной мечтой
и борьбой,

И Смерть на нее наступила своею тяжелой стопой.

ЗМѢИНЫЙ ГЛАЗЬ.

Огней полночныхъ караванъ
 Въ степи Небесъ плыветь.
 Но кто меня въ почной туманъ
 Такъ ласково зоветъ?

Зачѣмъ отъ сердца далека
 Мечта о Небесахъ?
 Зачѣмъ дрожить моя рука?
 Зачѣмъ такъ манить прахъ?

Болого снить. Ночная тишь
 Растеть и все растеть.
 Шуршитъ загадочно камышь,
 Змѣиный глазъ цвѣтеть.

Змѣиный глазъ глядитъ, растеть,
 Его лелѣетъ Ночь.
 Къ нему кто близко подойдетъ,
 Уйти не можетъ прочь.

Онъ смутно слышитъ свистъ змѣи,
 Какъ нѣжный близкій зовъ,

Онъ еле видитъ въ забыты
Огни иныхъ міровъ.

Не манитъ блескъ былыхъ утѣхъ,
Далекъ живой родникъ.
Въ болотѣ слышенъ чей-то смѣхъ,
И чей-то слабый крикъ.

ГИБЕЛЬ.

Предчувствіемъ бури окутанъ былъ садъ.
 Сильнѣй заструился цвѣтовъ аромать.
 Узлистые сучья какъ змѣи сплелись.
 Змѣистыя молніи въ тучахъ зажглись.

Какъ хохоть стократный, громовый раскатъ
 Смутилъ, оглушилъ зачарованный садъ.
 Свернулись, закрылись цвѣтовъ лепестки.
 На тонкихъ осипахъ забилась листва.

Запрыгала мелькающей бѣшеный градъ.
 Врасплохъ былъ захваченъ некутанный садъ.
 Съ грозой обняться и слиться хотѣлъ.
 Погибъ—и ушиться грозой не успѣлъ.

* * *

Вечерній свѣтъ погасъ.
Чуть дышетъ гладь воды.
Насталъ завѣтный часъ
Для искристой Звѣзды.

Она теперь горитъ,
Окутанная мглой,
И свѣтомъ говоритъ
Не съ Небомъ, а съ Землей.

Увидѣла она,
Какъ тамъ вблизи тепло,
Какъ сладко спитъ волна,
Какъ спитъ рѣчное дно.

И вотъ во мглѣ, вдали,
Открывъ лицо свое,
Кувшинки расцвѣли
И смотреть на нее.

Онѣ горять въ ночи,
Ихъ вѣжнть гладь воды,

Ласкают ихъ лучи
Застѣнчивой Звѣзды.

И будутъ надъ водой
Всю ночь онѣ горѣть,
Чтобъ съ Утренней Звѣздой
Стыдливо умереть.

ИСПОЛИНСКІЯ ГОРЫ.

Исполинскія горы,
Заповѣдныя скалы,
Вы—земные узоры,
Вы—Вселенной кристаллы.

Вы всегда благородны,
Неизмѣнно прекрасны,
Отъ стремленій свободны,
Къ человѣку безстрастны.

Вы простерли изломы,
Обрамленные мохомъ,
Вы съ борьбой незнакомы,
Незнакомы со вздохомъ.

Вы спокойно безмолвны,
Васъ не тронуть рыданья,
Вы застывшія волны
Отъ времянь Мірозданья.

КОВЫЛЬ.

Точно призракъ умирающій,
 На степи ковыль качается,
 Смотритъ Мѣсяць догорающій,
 Бѣлой тучкой омрачается.

И блуждаютъ тѣни смутныя
 По пространству неоглядному,
 И непрочныя, минутныя,
 Что-то шепчутъ вѣтру жадному.

И мерцаніе мелькнувшее
 Исчезаетъ за туманами,
 Утонувшее минувшее
 Возникаетъ надъ курганами.

Мѣсяць меркнетъ, омрачается,
 Догорающій и тающій,
 И, дрожа, ковыль качается,
 Точно призракъ умирающій.

ОКЕАНЪ.

Вдали отъ береговъ Страны Обѣтованной,
 Храпя на днѣ души надежды блѣдный свѣтъ,
 Я волны вопрошалъ, и Океанъ туманный
 Угрюмо рокоталъ и говорилъ въ отвѣтъ.

«Забудь о свѣтлыхъ снахъ. Забудь. Надежды пѣть.
 Ты ввѣрился мечтѣ обманчивой и странной.
 Скитайся дни, года, десятки, сотни лѣтъ,—
 Ты не найдешь нигдѣ Страны Обѣтованной».

И вдругъ появясь душой всехъ дерзкихъ сновъ обманъ,
 Охваченъ пламенной, но безутѣшной думой,
 Я горько вопрошалъ безбрежный Океанъ,—

Зачѣмъ онъ страстныхъ бурь питаетъ ураганъ,
 Зачѣмъ волнуется,—по Океанъ угрюмый,
 Свой ропотъ заглушивъ, окутался въ туманъ.

* * *

Вѣчно-безмолвное Небо, смутно-прекрасное Море,
 Оба окутаны свѣтомъ мертвенно-блѣдной Луны.
 Вѣтеръ въ пространствѣ смутился, смолкъ въ безутѣшномъ
 просторѣ,
 Небо, и Вѣтеръ, и Море грустью одною больны.

Въ холодѣ гибнетъ и меркнетъ все, что глубоко и нѣжно
 Въ ужасѣ Небо застыло, странно мерцаетъ Луна.
 Горькая влага бездонна, Море синѣетъ безбрежно,
 Скорбь бытія неизбѣжна, нѣтъ и не будетъ ей дна.

ЛЕБЕДЬ.

Заводь спать. Молчить вода зеркальная.
Только тамъ, гдѣ дремлютъ камыши,
Чья-то пѣсня слышится, печальная,
Какъ послѣдній вздохъ души.

Это плачетъ лебедь умирающій,
Онъ съ своимъ прошедшимъ говоритъ,
А на небѣ вечеръ догорающій
И горитъ и не горитъ.

Отчего такъ грустны эти жалобы?
Отчего такъ бьется эта грудь?
Въ этотъ мигъ душа его желала бы
Невозвратно вернуться.

Все, чѣмъ жила съ тревогой, съ наслажденіемъ,
Все, на что надѣялась любовь,
Проскользнуло быстрымъ сновидѣніемъ,
Никогда не вспыхнетъ вновь.

Все, на чемъ печать непоправимаго,
Бѣлый лебедь въ этой пѣснѣ сплелъ,
Точно онъ у озера родимаго
О прощеніи молилъ.

И когда блеснули звѣзды дальнія,
И когда туманъ вставалъ въ глуши,
Лебедь пѣлъ все тише, все печальнѣе,
И шептались камыши.

Не живой онъ пѣлъ, а умирающій,
Оттого онъ пѣлъ въ предсмертныи часъ,
Что предъ смертию, вѣчной, примиряющей,
Видѣлъ правду—въ первый разъ.

БЕЗПРЮТНОСТЬ.

Меня не манит тихая отрада,
 Покой, тепло родного очага,
 Не снятся мнѣ цвѣты родного сада,
 Родимые безмолвные луга.

Краса иная сердцу дорога,
 Я слышу ревъ и рокотъ водопада,
 Мнѣ грезятся морскіе берега,
 И горъ неумолливая громада.

Среди другихъ обманчивыхъ утѣхъ
 Есть у меня завѣтная утѣха:
 Забыть, что значить плачь, что значить смѣхъ,—

Будить въ горахъ грохочущее эхо,
 И въ бурю созерцать, подъ громъ и вой,
 Величіе пустыни міровой.

НАДЪ ПУЧИНОЮ МОРСКОЮ.

Надъ пучиною морскою, тяготѣя, повисла скала,
 У подножья скалы бьются волны толпой неустанной,
 Грѣбеть зной ся камни, къ ней застыла вѣтеръ и мгла,
 Но безмолвна она—въ часъ ночной, въ часъ зари злато-
 тканной.

Бѣлоснѣжная тучка мелькнетъ и растаетъ надъ ней,
 Прощебечетъ блуждающихъ птицъ перелетная стая,
 Загорится, забрезжитъ за Моремъ звѣзда золотая,
 Небо вспыхнетъ въ отвѣтъ міриадами сплнхъ огней.

Но не видя, не внемля, гранитная дремлетъ громада,
 Если жь волны сильнѣе нахлынуть, журча и звеня,
 Словно шепчетъ она еле слышно: «Не надо... не надо...
 «Утишите волненье свое... Не будите меня...»

ВЪ ПЕЩЕРѢ.

Въ пещерѣ угрюмой, подъ сводами скалъ,
Гдѣ свѣточъ дневной никогда не сверкалъ,
Иду я на-ощупь, не видно ни зги,
И гулко во тьмѣ отдаются шаги.

И кто-то со мною какъ будто идетъ,
Ведетъ въ лабиринтѣ впередъ и впередъ.
И, вскрикнувъ, я слышу, какъ тотчасъ вокругъ,
Отвѣтный, стократный, разнесется звукъ.

Скользя по уступамъ, иду безъ конца,
Невольно мнѣ чудится очеркъ лица,
Невольно хочу я кого-то обнять,
Кого,—не могу и не смѣю понять.

Но тщетно безумной томлюсь я тоской:—
Лишь голые камни хватаю рукой,
Лишь чувствую сырость на влажной стѣнѣ,—
И ужасъ вливается въ сердце ко мнѣ.

«Кто шепчеть?»—кричу я. «Ты другъ мнѣ? Приди!»
И голосъ гремитъ и хохочетъ: «Иди!»
И въ страхѣ кричу я: «Скажи мнѣ, куда?»
И съ хохотомъ голосъ гремитъ: «Никуда!»

Безплодно скитанье въ пустыниѣ земной,
Близнецъ мой, страданье, повсюду со мной.
Гдѣ выходи, не знаю,—въ щель темную,
Все слито въ одно роковое звено.

АЮДАГЪ.

Синѣеть ширь морская, чернѣеть Аюдагъ.
 Тѣшится изъ-за Моря, ростеть, густѣеть мракъ.
 Холодный вѣтеръ вѣеть, туманы поднялись,
 И звѣзды между тучекъ чуть видны зажглись.

Неслышно Ночь ступаетъ, вступаетъ въ этотъ міръ,
 И таинство свершаетъ, и шествуетъ на пиръ.
 Безмолвіе ей шепчетъ, что дню пришелъ конецъ,
 И звѣзды ей сплетаютъ серебряный вѣнецъ.

И все полпѣй молчанье, и все чернѣе мракъ.
 Застыть, какъ изваянье, тяжелый Аюдагъ.
 И Ночь, смѣясь, покрыла весь міръ своимъ крыломъ,
 Чтобъ тотъ, кто настрадался, вздохнулъ предъ новымъ
 зломъ.

Въ этой жизни смутной
Насъ повсюду ждётъ—
За восторгъ минутный—
Долгой скорби гнётъ.

Радость совершенства
Смѣшана съ тоской.
Есть одно блаженство:—
Мертвенный покой.

Жажду наслажденья
Въ сердце побѣды,
Улыни волненья,
Ничего не жди.

* * *

Нѣтъ, не могу я заснуть, и не ждать, и смириться,

Въ сердцѣ волненье растетъ и растетъ!

Можетъ ли вѣтеръ свободный кому покориться?

Можетъ ли звѣздъ не блистать хороводъ?

Нѣтъ, мнѣ не нужно покоя, не нужно забвенья.

Если же счастье намъ не дано,—

Въ море отчаянья, въ темную бездну мученья

Брошусь на самое дно!

ВЪ ЧАСЪ РАЗСВѢТА.

Надъ ущельемъ осторожнымъ, межъ тревожныхъ чуткихъ
скаль,

Переключкѣ горныхъ духовъ въ часъ разсвѣта я внималъ.
 Со скалы къ скалѣ срывался, точно зовъ, целебный звукъ.
 Освѣженный, улыбался, пробуждался мѣръ вокругъ.

Гдѣ-то серна пробѣжала, гдѣ-то коршунъ промелькнулъ,
 Оборвался тяжкій камень, между скаль раздался гулъ.
 И гнѣздится, и клубится легкій паръ, источникъ тучъ,
 Зацѣпляясь, пропоззаетъ по уступамъ влажныхъ кручъ.

И за гранью отдаленной,—радость горъ, долинъ, полей,—
 Открываетъ ликъ побѣдный, все полнѣй и все свѣтлѣй,
 Ярко-красное Свѣтило расцвѣтающаго дня,
 Какъ цвѣтокъ садовъ гигантскихъ, полный жизни и огня.

ВЪТЕРЬ.

Я жить не могу настоящимъ,
 Я люблю безпокойные сны,
 Подъ солнечнымъ блескомъ налящимъ
 И подъ влажнымъ мерцаньемъ Луны.
 Я жить не хочу настоящимъ,
 Я внимаю намекамъ струны,
 Цвѣтамъ и деревьямъ шумящимъ,
 И легендамъ приморской волны.

 Желаньемъ томясь несказаннымъ,
 Я въ неясномъ грядущемъ живу,
 Вздыхаю въ разсвѣтъ туманномъ,
 И съ вечернею тучкой плыву.
 И часто въ восторгѣ нежданномъ
 Поцѣлуемъ тревожу листву.
 Я въ бѣгствѣ живу неустанномъ,
 Въ ненасытной тревогѣ живу.

ПРИЗРАКИ.

Шелестъ листьевъ, шопоть травъ,
 Переплескъ рѣчной волны,
 Ропоть вѣтра, гулъ дубравъ,
 Ровный блѣдный блескъ Луны.

Словно въ дѣтствѣ предо мною,
 Надъ рѣчною глубиною,
 Нимфы блѣдною плянцой обнялись, переплелись.
 Брызнуть пѣной, разомкнутся,
 И опять плотнѣй сожмутся,
 Опускаясь, поднимаясь, на волнѣ и вверхъ и внизъ.

Шепчуть темныя дубравы,
 Шепчуть травы про забавы
 Этихъ блѣдныхъ, этихъ пѣжныхъ обитательницъ волны.
 Къ нимъ изъ дали неизвѣстной
 Оуетился эльфъ чудесный,
 Какъ на пути золотистой, на прямомъ лучѣ Луны.

Выше истины земной,
 Обольстительнѣе зла,
 Эта жизнь въ тиши почвой,
 Эта призрачная мгла.

ЗАРОЖДЕНИЕ РУЧЬЯ.

На вершинѣ скалы, гдѣ потокомъ лучей
 Солнце жжетъ горячѣй, гдѣ плѣзятся орлы,
 Изъ тумановъ и мглы зародился ручей,
 Все звончѣй и звончѣй по уступамъ скалы
 Онъ волной ударялъ, и гранитъ повторялъ
 Мѣрный отзвукъ на звукъ, возникавшій вокругъ.

Какъ прозрачный кристалъ, какъ сверкающій лучъ,
 Перемѣчивый ключъ межъ камней трепеталъ,
 На гранитѣ блисталъ, и краснѣлъ, и плѣзучъ,
 Каждой жизни могучъ, онъ отъ счастья рыдалъ,
 И кричали орлы, на уступахъ скалы,
 У истоковъ ручья, въ торжествѣ бытія.

ДУХЪ ВѢТРОВЪ.

Духъ вѣтровъ, Зефиръ игривый
 Пропумѣлъ среди листовъ,
 Прикоснулся шаловливый
 Къ пѣжымъ чашечкамъ цвѣтовъ.

И шепнулъ неувимый,
 И волною шевельнулъ,
 Къ арфѣ звучной и незримой
 Дланью быстрою прильнулъ.

И съ безпечностью ребенка,
 Не заботясь ни о чемъ,
 Опъ игралъ легко и звонко
 Въ ясномъ воздухѣ почпомъ.

И влюбленные наяды
 Показались изъ волны,
 И къ нему кидали взгляды
 Въ свѣтъ гаснущей Луны.

Нимфа съ нимфою шепталась,
 О блаженствѣ говоря.
 А за Моремъ пробуждалась
 Розоперстая заря.

* * *

Вѣтеръ перелетный обласкаль меня
 И шепнулъ печально; «Ночь сильнѣе дни».
 И закатъ померкнулъ. Тучи почернѣли.
 Дрогнули, смутились пасмурныя сля.

И надъ темнымъ Моремъ, гдѣ крутился валь,
 Вѣтеръ перелетный зыбью пробѣжалъ.
 Ночь царяла въ мірѣ. А межъ тѣмъ далеко
 За Моремъ зажглося ошпенное око.

Новый распустился въ небесахъ цѣтокъ,
 Свѣтомъ возрожденнымъ заблесталъ Востокъ.
 Вѣтеръ измѣнился, и пахнулъ мнѣ въ очи,
 И шепнулъ съ усмѣшкой: «День сильнѣе ночи».

РУЧЕЙ.

(съ восточнаго).

Что ты плачешь, печальный прозрачный ручей?
 Пусть ты скованъ цѣпями суровой зимы,
 Скоро всыхнетъ весна, запоешь ты звончѣй,
 На зарѣ, подъ покровомъ нѣмой полутьмы.

И свободный отъ мертвыхъ бездушныхъ оковъ,
 Ты блеснешь и плеснешь изумрудной волной,
 И на твой жизнерадостный сладостный зовъ
 Вольный откликъ послышится въ чащѣ лѣсной.

И, подъ шелестъ листка, вѣтерка поцѣлуй
 Заволнуетъ твою бѣлоснѣжную грудь,
 И застѣпчивымъ лизаньемъ въ зеркало струй
 На себя будетъ любо украдкой взглянуть.

Вся земля оживится подъ лаской лучей,
 И безслѣдно растаютъ оковы зимы.
 Что жъ ты плачешь, скорбящій звенящій ручей,
 Что жъ ты рвешься такъ страстно изъ темной тюрьмы?

ЗВУКИ ПРИБОЯ.

Какъ глухъ сердитый шумъ
 Взволнованнаго Моря!
 Какъ сводъ Небесъ угрюмъ,
 Какъ бьются тучи, спора!

О чемъ шумить волна,
 О чемъ протяжно стонеть?
 И чья тамъ тѣнь видна,
 И кто тамъ въ Морѣ тонеть?

Гремитъ морской прибой,
 И дологъ вой упорный:—
 «Идемъ, идемъ на бой,
 На бой съ Землею черной!

«Разрушимъ грань Земли,
 Покроемъ все водою!
 Внемли, Земля, внемли,
 Нашъ крикъ грозить бѣдою!

«Мы все заьемъ, возьмемъ,
Поглотимъ жадной бездной,
Громадой волнь плеснемъ,
Взберемся въ міръ надзвѣздный!»

«Шуми, греми, прибой!»
И стонуть всплески смѣха.
«Идемъ, идемъ на бой!»—
«На бой!»—грохочетъ эхо.

МОРСКОЕ ДНО.

Съ морскаго дна безмолвные упреки
Доносятся до ласковой Луны—
О томъ, что эти области далеки
Отъ воздуха, отъ вольной вышины.

Тамъ все живетъ, тамъ звученъ плескъ волны,
А здѣсь на жизнь лишь блѣдые намеки,
Здѣсь вѣчный сонъ, пустыня тишины,
Пучины Моря мертвенно-глубоки.

И вотъ Луна, проснувшись въ высотѣ,
Поитъ огнемъ кипучіе приливы,
И волны рвутся къ дальней красотѣ.

Луна горитъ, играютъ переливы,—
Но тамъ, подъ блескомъ волнъ, морское дно
По-прежнему безжизненно-темно.

Кто это ходить въ почной тишинѣ,
Кто это бродить при блѣдной Лунѣ?

Сонныя вѣтви рукою качаетъ,
Вздохомъ протяжнымъ на вздохъ отвѣчаетъ.

Кто надъ нѣмою дремою стоитъ,
Влажнымъ дыханіемъ травы поитъ?

Чье это видно лучистое око—
Ближе и ближе—и снова далеко?

Слышно, какъ старыя сосны шумятъ,
Слышенъ гвоздики почной ароматъ.

Въ сонномъ болотѣ знакомя травы
Больше не дышутъ дыханьемъ отравы.

Тише! Остаешься, помедли со мной!
Кто ты,—не знаю, о, призракъ ночной.

Сладко съ тобой подъ Луню встрѣчаться,
Съ призракомъ—призракомъ легкимъ качаться.

Что же ты вновь убѣгаешь, скользя,—
Пли намъ ближе обняться исазья?

Или подвластны мы чарамъ запрета
Въ царствѣ холоднаго луннаго свѣта?

Кто жь это гонится тамъ за тобой?—
Призракъ сверкаетъ блестящей стопой.

Легкимъ видѣніемъ тѣнь убѣгаетъ.
Только на побѣ зарница мслѣкаетъ.

ОСТРОВЪ ЦВѢТОВЪ.

Жемчужина морей,
 Цвѣтущій Островъ дремлетъ,
 И въ пышности своей
 Волнамъ влюбленнымъ влечетъ.

Надъ нимъ—просторъ Небесъ,
 Крутомъ—пустыня Моря,
 На немъ зеленый лѣсъ
 Шумитъ, прибою вторя.

Здѣсь нѣтъ людскихъ слѣдовъ,
 Здѣсь легкой вѣтеръ вѣстъ,
 Онъ чашечки цвѣтовъ
 Дыханіемъ мелѣтъ.

Безмолвные цвѣты—
 Властители пространства,
 И жаждой красоты
 Живетъ цвѣтовъ убранство.

И вотъ за гранью горъ
 Встаетъ дворецъ Востока,—
 Украшенъ травъ коверъ
 Цвѣтами златоока.

И снова въ свой чередъ
Вздыхаетъ Закатъ усталый,
И берегъ вновь цвѣтетъ,
Лазурный, желтый, алый.

Проходитъ жизньъ какъ сонъ,
Разсвѣтъ, какъ прежде, пышенъ,
Полетъ сѣдыхъ временъ
Надъ Островомъ не слышенъ.

Лучи съ Небесъ глядятъ,
И протокъ свѣтъ Заката,
Цвѣты лучамъ кадятъ
Струями аромата.

Кадильница морей,
Цвѣтами Островъ дышетъ,
А вѣтеръ сѣтъ вѣтвей
Колышетъ и колышетъ.

ТУМАНЫ.

Туманы таяли и вновь росли надъ лугомъ,
 Ползли, холодные, надъ мертвою травой,
 И блѣдые цвѣты шепталися другъ съ другомъ,
 Скорби застывшею листовъ.

Они хотѣли жить, блистая лентками,
 Вдыхать, дышать, горѣть, лелѣять ароматъ.
 Любитъся съ пчелами, дрожать подъ мотылькамъ,
 Изъ міра сдѣлать пышный садъ.

Они изнемогли подъ сыростью тумана,
 И жаждали зари, и жаждали огня,
 И плакали, что смерть приходитъ слишкомъ рано,
 Что поздно венъхнутъ краски дня.

И день забрезжился. Туманы задрожали,
 Воздушнымъ кораблемъ повисли надъ землею,
 И вѣтры буйные, смѣясь, его качали,
 И свѣтъ боролся съ тусклою мглой.

Все жарче день пылалъ свергающимъ привѣтомъ,
 Холодный кругъ земли дыханьемъ горяча,—
 И облако зажглось, пропизанное свѣтомъ
 Непобѣдимаго луча!

ЧАХЛЫЯ СОСНЫ.

Хмурятся скалы, оплоты земной тишины,
Вѣтеръ въ пролетахъ свистить отъ стѣны до стѣны.

Таинство жизни трепещетъ средь мертвыхъ камней,
Что-то забилось, какъ будто бы тѣни тѣней.

Чахлыя сосны растутъ на отвѣсной стѣнѣ,
Шепчуть подь Солнцемъ, и зябнуть при тусклой Лунѣ.

Хочется соснамъ на горную высь посягнуть,
Цѣпкіе корни вѣдаются въ твердую грудь.

Скучно ихъ кормятъ бездушныя глыбы скалы.
Съ жадными криками носятся сверху орлы.

Чахлыя сосны безъ влаги растутъ и растутъ.
Чахлыя сосны къ Лазури дорогу найдутъ!

ЛЮБОВЬ И ТЪНШ ЛЮБВИ.

Amore e' i cor gentil sono una cosa.

Dante.

Вспоминанье граничитъ съ раскаяньемъ.

Бальмонтъ.

Въ пустынь безбрежнаго Моря
 Я островъ нашель голубой,
 Гдѣ, арфѣ невидимой вторя,
 И ронцеть и плачетъ прибой.

Тамъ есть позабытая вилла,
 И, точно видѣніе, въ ней
 Гадаеть сѣдая Сибиλλα,
 Въ мерцаньи невѣрныхъ огней.

И тотъ, кто взойдетъ на ступени,
 Предъ Вѣщей преклонится ницъ,—
 Увидитъ поблекшія тѣни
 Знакомыхъ исчезнувшихъ лицъ.

И кто, преклоняясь, замѣтитъ,
 Какъ тускло змѣятся огни,
 Тотъ взглядомъ сильнѣй ихъ засвѣтитъ,—
 И вспомнитъ погибшіе дни.

И жаднымъ вливаясь взоромъ
Въ черты безтѣлесныхъ тѣней,
Внимая беззвучнымъ укорамъ,
Что буря громовой слышишь,—

Онъ вскрикнетъ, и кинется страстно
Туда, гдѣ былая стезя...
Но тѣни пройдутъ безучастно,
И съ нимъ обняться—нельзя.

ПЕРВАЯ ЛЮБОВЬ.

Въ царствѣ свѣта, въ царствѣ тѣни, бурныхъ сновъ и
 тихой лѣни,
 Въ царствѣ счастья земного и небесной красоты,
 Я всёмъ сердцемъ отдавался чарамъ тайныхъ откровеній,
 Я рвался душой въ предѣлы недоступной высоты,
 Для меня блистало Солнце въ дни весеннихъ упоеній,
 Пѣли птицы, навѣвая лучезарныя мечты,
 И акаціи густыя и душистыя сирени
 Надо мною наклоняли бѣлоснѣжныя цвѣты.

Точно сказочныя змѣи, безконечныя аллеи
 Извивались и сплетались въ этой ласковой странѣ,
 Эльфы свѣтлые скликались, и толпой скользили феи,
 И водили хороводы при сверкающей Лунѣ,
 И съ улыбкою берини, съ нѣжнымъ профилемъ камен,
 Чья-то тѣнь ко мнѣ безшумно наклонялась въ полуснѣ,
 И зардѣвшіяся розы и стыдливыя лилеи
 Нашу страсть благословляли въ полуночной тишинѣ.

НОЧЬ.

Скоро на небѣ Мѣсяцъ проглянетъ.
 Листья застыли. Время уснуть.
 Ночь пронсется. Утро настанетъ.
 Снова забота сдавить намъ грудь.

Птички замолкли. Другъ безпріютный,
 Птички заснули,—что жь ты не спишь?
 Сердцемъ отдайся грезѣ минутной.
 Въ Небѣ глубокомъ звѣздная тишь.

Скоро двурогій Мѣсяцъ засвѣтитъ.
 Слышишь, какъ дышетъ, шепчетъ сирень?
 Сумракъ полночный мыслямъ отвѣтитъ.
 Тьма насъ закааетъ. Кончился день.

Что же ты плачешь? Видишь—мы рядомъ.
 Будемъ другъ друга тихо любить.
 Что-же ты смотришь горестнымъ взглядомъ?
 Или не можешь полдень забыть?

Все, что смущало, все, чѣмъ обмануть,
Встало волною, плещется въ грудь.
Звѣзды свѣтить намъ дважды не стануть.
Ночь убываетъ. Сновъ не вернуть.

Сѣрая чайка плачетъ надъ Моремъ.
Въ Небѣ свинцовомъ тусклая мгла.
Ахъ, не разстаться съ тягостнымъ горемъ!
Гдѣ-же мы были? Ночь ужь прошла.

БАЮШКИ-БАЮ.

Спи, моя печальная,
 Спи, многострадальная,
 Грустная, стыдливая,
 Вѣчно молчаливая.

Я тебѣ спою
 Баюшки-баю.

Съ радостью свиданія
 Къ намъ идутъ страданія,
 Лучше—отреченіе,
 Скорбь, самозабвеніе.

Счастія не жди,
 Въ сердце не гляди.

Въ жизни кто оглянется,
 Тотъ во всемъ обманется,
 Лучше безразсудными
 Жить мечтами чудными.

Жизнь проспай свою.

Баюшки-баю.

Гдѣ-то Море пѣнится,
 И оно измѣнится,

Утомится шумное,
Шумное, безумное,
 Будетъ подь Луной
 Чуть дышать волной.
Сни же, сни, печальная,
Сни, многострадальная,
Грустная, стыдливая,
Птвичка боязливая.
 Я тебѣ пою
 Баяшки-баяю.

Не могу я забыть неотступный укоръ,
Что застылъ въ глубинѣ неподвижныхъ очей,
Онъ повсюду со мной, этотъ мертвенный взоръ,
И въ сіяніи дня, и въ молчаньи ночей.

Всюду вижу ее, хоть ея уже нѣтъ,
Съ кѣмъ когда-то восторгъ и страданье дѣлилъ,
Ту, въ чьемъ сердцѣ всегда паходилъ я отвѣтъ,
Ту, кого я ласкалъ, и, лаская, убилъ.

Сколько разъ я внимала рокотанью морей,
Сколько разъ уходилъ въ безмятежіе горъ,
Но во мракѣ почномъ и въ сіяньи лучей
Предъ собой я встрѣчала укоризненный взоръ.

Всюду вижу, какъ сонъ—запрокинутый трупъ,
Онъ молчить, онъ живетъ выраженьемъ лица,
И усмѣшкой нѣмой исказившихся губъ
Онъ со мной говоритъ—говоритъ безъ конца.

* * *

День за днем ускользает псемѣло,
 Ночи стелютъ свой черный покровъ.
 Снова полночь нѣмая приспѣла,
 Слышенъ бой колокольныхъ часовъ.

Гулкій звукъ разростается, стонеть,
 Заунывнымъ призывомъ звучить,
 И въ застывшемъ безмолвіи тонеть,—
 И пустынная полночь молчить.

Мѣдный говоръ такъ долго тянулся,
 Что, казалось, не будетъ конца.
 И какъ-будто вдали улыбнулся
 Милый очеркъ родного лица.

И забылся весь ужасъ изгнанья,
 Засвѣтился родимый очагъ.
 Но мгновенно настало молчанье,
 Неоглядный раскинулся мракъ.

Дверь открылась, и снова замкнулась,
 Лучъ блеснулъ, и его не видать.
 И бессильно въ груди шевельнулось
 То, чему не бывать, не бывать.

* * *

Мы шли въ золотистомъ туманѣ,
И выйти на свѣтъ не могли,
Тонули въ нѣмомъ Океанѣ,
Какъ тонуть во мглѣ корабли.

Намъ снились видѣнія рая,
Чужіе лѣса и луга,
И прочь отъ родимаго края
Иные влекли берега.

Стремясь ускользящимъ взглядомъ
Къ предѣламъ безвѣстной земли,
Дышали съ тобою мы рядомъ,
Но былъ я какъ-будто вдали.

И лгали намъ вѣтры и тучи,
Смѣялись извивы волны,
И были такъ страшно пѣвучи
Беззвучные смутные сны.

И мы безконечно тонули,
Стремясь отъ влаги къ землѣ.
И звѣзды печально шепнули,
Что мы утонули во мглѣ.

ОАЗИСЪ.

Ты была какъ оазисъ въ пустынѣ,
 Ты мерцала стыдливой звѣздой,
 Ты Луною заглясь золотой.
 И тебѣ, недоступной богинѣ,
 Отдавалъ я мечту за мечтой.

Я рѣшился въ желаніи смѣломъ
 По тремнистой дорогѣ идти
 И не медлить шагѣ на пути.
 Ты казалась мнѣ высшимъ предѣломъ,
 За который нельзя перейти.

И потомъ... О, какое мученье!
 Къ недоступному доступъ найденъ.
 Я какъ жалкій ребенокъ смущенъ.
 Гдѣ любовь, гдѣ восторгъ уносятся?
 Все прошло, ускользнуло, какъ сонъ.

Я мечты отдавалъ не богинѣ,
 Ты какъ все, ты—земля на землѣ,
 Я одинъ въ удушающей мглѣ.
 Я очулся въ безплодной пустынѣ,
 Я проснулся на жесткой скалѣ.

Колеляются стебли зеленой долины,
Ихъ красить цвѣтовъ разноцвѣтнй уборъ.
А справа и слѣва дыматся вершины,
Дыматся вершины торжественныхъ горъ.

Я бросилъ свой домъ, онъ исчезъ за горами,
Оставилъ навѣки родную семью.
Подъ Небомъ глубокимъ съ его облаками,
Межъ горъ многоснѣжныхъ, въ раздумьи стою.

Я жду, чтобы брызнули краски разсвѣта,
Чтобъ легкй отъ горъ удалился дымокъ.
Но въ сердцѣ напрасно ищу я отвѣта,
Гдѣ Западъ и Сѣверъ, гдѣ Югъ и Востокъ.

Я жду. Все воздушнй отгѣнки лазури.
Надъ сонной долиной—нѣмой полусвѣтъ.
Блѣднѣютъ обрывки умолкнувшей бури.
И вотъ загорается гдѣ-то разсвѣтъ.

Блеснули цвѣты пробужденной долины.
Въ небесномъ пространствѣ заискрился день.
Но съ лѣвой горы, съ недоступной вершины,
Легла на меня исполнская тѣнь.

Я сталъ удаляться отъ тѣни угрюмой,
Но тѣнь, выростая, скользнула за мной.
Долина блистала смѣющейся думой,
А я былъ преслѣдуемъ тьмою почной.

И вспыхнулъ закатъ перламутрово-алый,
За горы склонялся задумчивый день,
До новой горы доходилъ я, усталый,
И съ правой горы опрокинулась тѣнь.

И тѣни слились. И заря догорѣла.
И горы окутались въ сумракъ почной.
Съ вершины къ вершинѣ, протяжно, несмѣло,
Пророчества духовъ неслись падо мной.

Въ молчаньи забывшейся ночи
Уснулъ я при блѣдной Лунѣ,
И странно-знакомыя очи
Во снѣ наклоняясь ко мнѣ.

И странно-печальныя рѣчи
Я слышалъ смущенной душой,
И зналъ, что дождался я встрѣчи
Съ родной, отдаленно-чужой.

И вотъ бѣлоснѣжныя крылья
Ростутъ и дрожать въ полуснѣ,
И плавно, легко, безъ уснья,
Мы близимся къ блѣдной Лунѣ.

И что-то остывшее тѣло
Внизу разглядѣть я хочу.
Но нѣтъ для безсмертья предѣла,
Я выше, все выше лечу!

* * *

Не буди воспоминаний. Не волнуй меня.
Мир отраденъ мракъ полночный. Страшенъ свѣточъ дня.

Былъ и я когда-то счастливъ. Вѣрилъ и любилъ.
Но когда и гдѣ, не помню. Все теперь забылъ.

Съ кѣмъ я жизнь свою размыкалъ? И зачѣмъ, зачѣмъ?
Самъ не знаю. Въ сердцѣ пусто. Умъ безвильный иѣмъ.

Дождь струится беспощадный. Вѣтеръ бьетъ въ окно.
Смѣхъ безнечный стихъ и замеръ—далеко, давно.

Для чего-жь ты вновь со мною, позабытый другъ?
Точно тѣнь, встасешь и манишь. Но темно вокругъ.

Миръ не нуженъ запоздалый, горькій твой привѣтъ.
Не хочу изъ тьмы могильной выходить на свѣтъ.

Нѣтъ въ душѣ ни думъ, ни звуковъ. Нѣтъ въ глазахъ огня.
Тише, тише. Засыпаю. Не буди меня.

ТРИОЛЕТЫ.

1.

Твоя застѣнчивая нѣжность
 Въ землѣ сокрытый водопадъ,
 Въ ней страсти дремлющей безбрежность.
 Твоя застѣнчивая нѣжность
 Растущей тучи безмятежность,
 Цвѣтовъ несмятыхъ ароматъ.
 Твоя застѣнчивая нѣжность—
 Готовый вспыхнуть водопадъ.

2.

Нѣмая царственная вѣчность
 Для насъ зажгла свои огни,
 Любви блаженство и безпечность.
 Нѣмая царственная вѣчность
 Насъ увлекаетъ въ безкопечность,
 И въ цѣломъ мірѣ мы одни:—
 Нѣмая царственная вѣчность
 Для насъ зажгла свои огни.

3.

Любви цвѣтокъ необычайный,
Зачѣмъ такъ рано ты поблекъ!
Твое рожденье было тайной,
Любви цвѣтокъ необычайный,
Ты мнѣ блеснула мечтой случайной,
И я, какъ прежде, одинокъ.
Любви цвѣтокъ необычайный,
Зачѣмъ такъ рано ты поблекъ!

4.

Ты промелькнула, какъ видѣнье,
О, юность быстрая моя,
Одно сплошное заблужденье!
Ты промелькнула, какъ видѣнье,
И мнѣ осталось сожалѣнье,
И поздней мудрости змѣя.
Ты промелькнула, какъ видѣнье,
О, юность быстрая моя!

РУСАЛКИ.

Мы знаемъ страсть, но страсти не подвластны,
 Красою нашихъ душъ и нашихъ тѣлъ пагныхъ
 Мы только будимъ страсть въ другихъ,
 А сами холодно-безстрастны.

Любя любовь, безсильны мы любить.
 Мы дразнимъ и зовемъ, мы вводимъ въ заблужденье,
 Чтобы папштокъ охлажденья
 За знойной велишкой жадно пить.

Нашъ взглядъ глубокъ и чистъ, какъ у ребенка.
 Мы лицемъ красоты и мѣръ для насъ красивъ,
 Когда, безумца погубивъ,
 Смѣемся весело и звонко.

И какъ свѣтла измѣнчивая даль,
 Когда любовь и смерть мы заключимъ въ объятье,
 Какъ сладокъ этотъ стонъ проклятья,
 Любви предсмертная печаль!

ПОЗДНО.

I.

О, если бь кто-нибудь любилъ меня, какъ ты,
 Въ тѣ дни далекіе предчувствій и печали,
 Когда я полною была дыханьемъ красоты,
 И гимны ангеловъ заоблачныхъ звучали.

На думы тайныя мнѣ тучки отвѣчали,
 Луна сочувственно глядѣла съ высоты,
 Но струны лучшія въ душѣ моей молчали,
 И призракъ женщины смутилъ мои мечты.

И призракъ женщины склонялся надо мною.
 Я жаждалъ счастія. Но призракъ измѣнялъ.
 И много дней прошло. Ты встрѣтилась со мною.

Я полюбилъ тебя. Но точно бурный вальъ,
 Предвѣстникъ гибели, какой-то голосъ грозно
 Гремить насмѣшкою и вторить: «Поздно! Поздно!»

2.

Съ невѣрнымъ спутникомъ—непрочнымъ челнокомъ—
 Присталъ я къ берегу и ждалъ успокоенья.
 Увы, я опоздалъ, застигнуть былъ врагомъ:
 Гремучій валъ скользнулъ, дрожалъ отъ нетерпѣнья.

Прилива жаднаго кипучее волненье
 Окутало меня. За легкимъ вѣтеркомъ
 Нахлынула гроза, и силою теченья
 Я схваченъ, унесенъ. Лежу на днѣ морскомъ.

Я въ Морѣ утопулъ. Теперь моя стихія—
 Холодная вода, безмолвіе, и мгла.
 Вокругъ меня кишать чудовища морскія.

Постелью служить мнѣ подводная скала.
 Подводные цвѣты цвѣтутъ безъ аромата.
 И къ звѣздамъ нѣтъ пути. И къ Солнцу нѣтъ возврата.

АРГУЛИ.

Слушай! Ужъ колоколь плачетъ вдали.

Я умираю.

Что мнѣ осталось? Прижаться лицомъ къ Аргули!

Точно свѣча, я горю и сгораю.

Милый мой другъ,

Если бездушная полночь свой сумракъ раскинетъ вокругъ,

Голосу друга умершаго чутко внемли.

Сердцемъ задумчиво-нѣжнымъ

Будешь ты вѣчно моею, о, птичка моя, Аргули!

Будь далека отъ земли, и крыломъ бѣлоснѣжнымъ

Вѣчно скользи

Въ чистыхъ предѣлахъ небесной стези.

Мыслямъ отдайся безбрежнымъ,

Плачь и мечтай,

Прочь отъ враждебной земли улетай.

Лучше бродить по вершинамъ холоднымъ и снѣжнымъ,

Взоръ навсегда обратитъ къ Красотѣ.

Лучше страдать, по страдать на такой высотѣ,

Духомъ мятежнымъ

Такъ унестишь, чтобъ земля чуть видѣлась вдали.

О, моя птичка! Моя Аргули!

МЭРИ.

Когда въ глухой тиши стариннаго музея,
 Исполненный на мигъ избыточной мечты,
 Смотрю на вѣчныя созданья Красоты,
 Миѣ кажется живою пѣмая галлерей.

И предъ мадоннами душой благоговѣя,
 Я вижу много въ нихъ священной простоты,
 И въ книгѣ прошлаго завѣтные листы
 Читаю я одинъ, волнуясь и блѣднѣя.

Такъ точно близъ тебя душою я постигъ,
 Что можно пережить вѣка въ единый мигъ,
 Любить и тосковать, о томъ сказать не смѣя,

И выразить всеѣхъ чувствъ волшебныхъ не умѣя,—
 Я вѣчной Красоты въ тебѣ позналъ родникъ,
 Мечта художника, безмолвная камень.

* * *

Слова смолкали на устахъ,
 Мелькала смычокъ, рыдала скрипка,
 И возникала въ двухъ сердцахъ
 Безумно-свѣтлая ошибка.

И взоры ясные смилнсь
 Въ мечтѣ, которой нѣтъ названья,
 И путью зыбкою смилнсь,
 Томясь, и не страшась признанья.

Среди толпы, среди огней
 Любовь росла и возрастала,
 И скрипка, точно слившись съ ней,
 Дрожала, пѣла, и рыдала.

ТРУБАДУРЪ.

Мадонна, солнце между звѣздъ, мадоннѣ прекрасныхъ
украшенье,

Ты въ сладость обращаешь скорбь, даешь и смерть и
возрожденье.

Какъ саламандра, я горю въ огнѣ любви, но не сгораю,
Какъ лебедь, пѣсню я пою, и послѣ пѣсни умираю.

Мадонна, цвѣтъ среди цвѣтовъ, среди красавицъ укра-
шенье,

Тебѣ — мой воздухъ, тебѣ — мой стихъ, пѣжнѣй, чѣмъ
утра дуновенье.

Какъ фениксъ, я хочу сгорѣть, чтобы возстать преобра-
женнымъ,

И для мадонны умереть, и для мадонны жить влюблен-
нымъ.

СЛОВА ЛЮБВИ.

Слова любви всегда безсвязны,
Они дрожать, они алмазны,
Какъ въ часъ предутренній звѣзда.
Они журчатъ, какъ ключъ въ пустынѣ,
Съ начала міра и донынѣ,
И будутъ первыми всегда.
Всегда дробясь, повсюду цѣльны,
Какъ свѣтъ, какъ воздухъ, безпредѣльны,
Легки, какъ всплески въ тростникахъ,—
Какъ взмахи птицы опьяненной
Съ другой птицею сплетенной
Въ летучемъ бѣгѣ, въ облакахъ.

* * *

Смѣшались дни и ночи,
Едва мяжу на свѣтъ,
Видѣній шшуть очи,
Родныхъ видѣній нѣтъ.

Все то, чему смѣялась
Влюбленная душа,
Къ безвѣстному умчалась,
И плача, и спѣша.

Поблекли маргаритки,
Склонивъ головки внизъ,
И ликиа улитки
На листьяхъ собрались.

И если предо мною,
Надъ лономъ сонныхъ водъ,
Безмертною Луною
Блнстасть небосводъ,—

Мнѣ кажется, что это
Луна погнбшихъ дней,
И въ ней не столько свѣта,
Какъ скорби и тѣней.

И если вѣтеръ злится,
И если дождь идетъ,
Моя душа томится,
И странно счастья ждетъ.

И плачутъ, плачутъ очи,
И Солнца больше нѣтъ,
Смѣшались дни и ночи,
Самизнь и тьма, и свѣтъ.

БЕАТРИЧЕ.

Я полюбилъ тебя, лишь увидалъ впервые.
 Я помню, шель кругомъ ничтожный разговоръ,
 Молчала только ты, и рѣчи огневныя,
 Безмолвныя слова мнѣ посылашь твой взоръ.

За днями гасли дни. Ужь годъ прошелъ съ тѣхъ поръ.
 И снова плетъ Весна лучи свои живые,
 Цвѣты одѣли вновь причудливый уборъ.
 А я? Я все люблю, какъ прежде, какъ впервые.

И ты попрежнему безмолвна и грустна,
 Лишь взоръ твой искрится и говоритъ порою.
 Не такъ ли иногда владычица-Луна

Свой лучезарный ликъ скрываетъ за горою,—
 Но и за гранью скалъ, склонивъ свое чело,
 Изъ тѣсной темноты она горитъ свѣтло.

Отчего насъ всегда охъяняетъ Луна?
 Оттого, что она холодна и блѣдна.
 Слишкомъ много сянъя намъ Солнце даетъ,
 И никто ему пѣсни такой не споетъ,
 Что къ Лунѣ, при Лунѣ, между темныхъ вѣтвей,
 Ароматною ночью поетъ соловей.

Отчего между женщицъ намъ дороги тѣ,
 Что безстрастны въ побѣдной своей красотѣ?
 Оттого, что въ волшебной холодности ихъ
 Больше скрытыхъ восторговъ и ласкъ огневыхъ,
 Чѣмъ въ сянвнн щедрой покорной мечты,
 Чѣмъ въ объятяхъ доступной для насъ красоты.

ЧЕРНОГЛАЗАЯ ЛАНЬ.

1.

Печальные глаза, изогнутыя брови,
Какая властная въ васъ дышетъ красота.
Усмѣшкой горькою наказаны уста.
Зачѣмъ?

Такъ глубоко волнуешь ты и манишь,—
И страшной близости со мной достигнувъ,—вдругъ
Ты измѣняешься. И вновь темно вокругъ.
Ты вновь чужая мнѣ. Зачѣмъ?

Я умираю.

Что значитъ этотъ смѣхъ? Что значитъ этотъ взглядъ?
Глядятъ такъ ангелы? Такъ духи тьмы глядятъ?

2.

Черноглазая лань, ты глядишь на меня,
И во взорѣ твоёмъ больше тьмы, чѣмъ огня.

Не гляди. Погляди. Отъ любви я умру.
Я люблю этихъ глазъ роковую игру.

Что мнѣ жизнь! Все забывъ, все утративъ любя.
Не пойму я тебя. Но люблю я тебя.

Ты ничья. Никому этихъ глазъ не понять.
Подожди! Подожди! Дай хоть взглядомъ обнять!

* * *

Я боюсь, что любовью кипучей
Я, быть-можетъ, тебя оскорбилъ.
Милый другъ, это чувство нахлынуло тучей,
Я бороться не могъ, я тебя полюбилъ.
О, прости! Точно сказкой пѣвучей,
Точно спомъ зачарованъ я былъ,

Я уйду, и умруть укоризны,
И ты будешь одна, холодна.
Только скорбной мольбой замолкающей тризны
Донесется къ тебѣ лѣснощѣпнй волна.
Точно пѣсни забытой отчизны,
Точно вздохъ отлетѣвшаго сна.

НОЧНЫЕ ЦВѢТЫ.

Въ воздухѣ пѣжномъ прозрачнаго Мая
 Дышетъ влюбленность живой теплоты:—
 Въ легкихъ объятыхъ другъ друга сжимая,
 Дышутъ и шепчутъ ночные цвѣты.

Тѣни какія - то смутно блуждаютъ,
 Звуки невнятные гдѣ - то звенятъ,
 Въ воздухѣ таютъ, и вновь возрастаютъ,
 Лется съ цвѣтовъ упоительный ядъ.

То не жасминъ, не фіалки, не розы,
 То не застычивыхъ ландышей цвѣтъ,
 То не душистый восторгъ туберозы,—
 Этимъ растениямъ названія нѣтъ.

Только влюбленнымъ дано ихъ увидѣть,
 Съ ними душою весь міръ позабыть,
 Тѣмъ, что не могутъ другъ друга обидѣть,
 Тѣмъ, что умѣютъ ласкать и любить.

Знай же, о, счастье, любовь золотая,
Если тебя я забыться молю,
Это—дыханье прозрачнаго Мая,
Это—тебя я веѣмъ сердцемъ люблю.

Если видѣнья въ душѣ пролетаютъ,
Если ты жаждешь и ждешь Красоты,—
Это вблизи гдѣ-нибудь расцвѣтаютъ,
Гдѣ-нибудь дышутъ—ночные цвѣты.

КОЛЫБЕЛЬНАЯ ПЬЕСНЯ.

Леткій вѣтеръ приемирѣлъ,
 Вечеръ блѣдный догорѣлъ,
 Съ неба звѣздные огни
 Говорять тебѣ: «Усни!»
 Не страшись передъ Судьбой,
 Я какъ няня здѣсь съ тобой.
 Я, какъ няня, здѣсь пою:—
 «Баю-баюшки-баю».

Тотъ, кто знаетъ скорби гнѣтъ,
 Темной ночью отдохнѣтъ,
 Все, что дышетъ на Землѣ,
 Сладко спитъ въ полночной мглѣ.
 Дремлютъ птички и цвѣты,
 Отдохни, усни и ты.
 Я всю ночь здѣсь пропою:—
 «Баю-баюшки-баю».

* * *

Заевѣтлася лампада
 Предъ иконою святой.
 Миръ далекій, миръ - громада,
 Ометель какъ сонъ пустой.

Мы въ тиши уединенной.
 Часъ, когда колокола
 Будятъ воздухъ полусонный,
 Часъ, когда прозрачна мгла.

Ласка этой мглы вечерней
 Убаюкиваетъ взглядъ,
 И уколы ягучихъ терній
 Сердце больше не язвить.

Помолись въ тиши безмольной
 Предъ иконою святой,
 Чтобы миръ, страдаемъ полный,
 Вспыхнулъ новою мечтой.

Помолнсь со мной, родная,
Чтобы жизнь свѣтлѣй прошла,
Чтобы насъ стезя земная
Вмѣстѣ къ гробу привела.

Надъ пучиной неизвѣстной
Пусть мы склонимся вдвоемъ,
Пусть чудесный гимнъ небесный
Вмѣстѣ Богу мы споемъ.

ЛУННЫЙ ЛУЧЬ.

Я лунный лучь, я другъ влюбленныхъ.

Смѣнивъ вечернюю зарю,

Я ночью ласково горю

Для всѣхъ, безумьемъ озаренныхъ,

Полуживыхъ, неутоленныхъ,

Для всѣхъ тоскующихъ, влюбленныхъ

Я свѣтомъ сказочнымъ горю,

И о восторгахъ полусонныхъ

Невнятной рѣчью говорю.

Мой свѣтъ скользить, мой свѣтъ змѣнится,

Но я тебѣ не измѣню,

Когда отдашься ты огню,

Тому огню, что не дымится,

Что въ тѣсной комнатѣ томится,

И все сильнѣй горѣть стремится

Наперекоръ нѣмому дню.

Тебѣ, въ чьемъ сердцѣ страсть томится,

Я никогда не измѣню.

* * *

Предъ разсвѣтомъ дремяють воды,
 Дремлетъ сумракъ молчаливый,
 Лишь застѣнчивой природы
 Дышетъ ласкою стыдливой.

Но постои—вдали зажгутся,
 Вспыхнутъ полосы огня,
 Воды шумно разольются,
 И сверкая, и звеня.

Такъ и ты молчишь безстрастно,
 Нѣтъ въ душѣ твоей порыва,
 Ты застѣнчиво - прекрасна,
 Ты чарующе-стыдливѣ.

Но настанетъ пробужденье,
 Новымъ чувствомъ вспыхнетъ взглядъ.
 «Возрожденье! Возрожденье!»
 Струны сердца зазвенятъ.

ЭЛЬЗИ.

Эльзи! Красавица горной Шотланди!
Я люблю тебя, Эльзи!

Лунный лучь проскользнулъ черезъ высокое окно.
Лунный ликъ потерялся за сѣтью развѣсѣтыхъ слей.
Какъ прекрасенъ полуночный часъ!
Какъ прекрасна любовь въ тишинѣ полуночи!

Эльзи, слушай меня.

И тебѣ нашему мимолетныя чувства,
И тебѣ нашему гармоничныя думы,
Какихъ ты не знала до этой минуты, вдали отъ меня,
Не знала, когда надъ тобою шепталась
Родимыя сосны далекой Шотланди.
Не дрожи и не бойся меня.
Моя любовь воздушна, какъ весеннее облачко,
Моя любовь пѣжна, какъ колыбельная пѣсня.

Эльзи, какъ случилось, что мы съ тобою вдвоемъ?

Здѣсь, среди Скандинавскихъ скалъ,
Насъ ничто не потревожитъ.
Никто не напомнитъ мнѣ
О печальной Россіи,
Никто не напомнитъ тебѣ
О туманной Шотланди.

Въ этотъ часъ лунныхъ лучей и лунныхъ мечтаній
 Мы съ тобою похожи на двухъ безтѣлесныхъ эльфовъ,
 Мы какъ будто летимъ все выше и выше,—
 И пѣть у меня родины, кромѣ тебя,
 И пѣть у тебя родины, кромѣ меня.

Какъ странно спутались пряди
 Твоихъ золотистыхъ волосъ,
 Какъ странно глядятъ
 Твои глубокіе и темные глаза!
 Ты молчишь, какъ русалка.
 Но много говорить мнѣ
 Твое стыдливое молчаніе.
 Знойныя ласки сказали бы мепъше.
 И зачѣмъ намъ ласки,
 Когда мы переполнены счастьемъ,
 Когда сквозь окно
 Для насъ горятъ своими свѣтами высоты Рондана,
 И смутное эхо
 Вторить далекому говору
 Сѣдыхъ водонадоевъ,
 И угрюмый Горный король
 Своей тяжелой столою будить уснувшія ели.

Я не сжимаю твоей руки въ моей рукѣ,
 Я не цѣлую твоихъ губъ.
 Но мы съ тобою два цвѣтка одной и той же вѣтви,
 И наши взоры говорятъ на такомъ языкѣ,
 Который внятень только нашимъ душамъ.

Хочешь,—разскажу тебѣ старую сагу.

Хочешь,—спою тебѣ пѣсню.

Здѣсь, подь Сѣвернымъ небомъ,

Я противъ воли дѣлаюсь скальдомъ,

А скальды,—ты знаешь,—

Могли пѣть свои пѣсни каждый мигъ.

Будь же моей Торбѣргъ Кольбрунъ,

Будь моей вдохновительницей.

Смотри, передъ тобою твой—твой пѣвецъ,

Тормодъ Кольбрунарскальдъ.

Ужь я слышу звуки незримыхъ голосовъ,

Трепетанье струнъ нездѣшной арфы.

Пусть будетъ моя пѣсня воздушна, какъ чувство любви,

Легка, какъ шелестъ камышей,

И если въ пей будетъ

Хоть капля того яда,

Которымъ я былъ когда-то отравленъ,—

Да не коснется онъ тебя.

Слушай, Эльви.

Въ часъ ночной, во мглѣ туманной, гдѣ-то тамъ за синей
далью,

Убаюканная вѣтромъ, озаренная Луной,

Изгибаяся красиво, наклоняся съ печалью,

Шепчетъ плачущая ива съ говорливою волной.

И томительный, и праздный, этотъ шопотъ безконечный,

Этотъ вздохъ однообразный надъ алмазною рѣкой

Языкомъ своимъ невнятнымъ, точно жалобой сердечной,
 Говорить о невозвратномъ съ непонятною тоской.
 Говорить о томъ, что было, и чего не будетъ снова,
 Что любила, разлюбила охладѣвшая душа,
 И, тая въ очахъ слезинки, полны жаждой неземного,
 Бѣлоснѣжныя кувшинки задремали, чуть дыша.
 И отравленъ скорбью странной, уязвленъ нѣмой печалью,
 Въ мигъ туманный, въ мигъ неожиданный, умъ опять жи-
 веть былымъ,
 Гдѣ-то тамъ, гдѣ нѣтъ несчастья, гдѣ-то тамъ за синей
 далью,
 Полощъ счастья сладострастья предъ видѣньемъ не-
 земнымъ.

Что съ тобой, моя Эльзи? Ты спишь?

Нѣтъ, не спишь?

Отчего жъ ты закрыла глаза?

Что жъ ты такъ поблѣднѣла?

Лунный ликъ засверкалъ.

Изъ-за сѣти уснувшихъ развѣенстыхъ елей.

Лунный лучъ задрожалъ

На твоёмъ, поблѣднѣвшемъ отъ страсти, лицѣ.

Эльзи, Эльзи, я здѣсь, я съ тобой!

Я люблю тебя!—

Эльзи!

Въ стыдливости прѣмой есть много красоты:—

Полурасцвѣтшіе цвѣты

Внушаютъ намъ любовь и прѣжнее участіе,

И дѣвственной Луны прѣзвительна мечта.

Но есть иная красота:—

Души влюбленной сладострастье.

Предъ этой чудной вѣщанкой счастья

Полубожественнаго сна.

Стыдливость чуть горитъ воспоминальемъ блѣднымъ,

Какъ потускнѣвшая Луна

Предъ Солнцемъ пышнымъ и побѣднымъ.

НЕПОПРАВИМОЕ.

Прекрасенъ полупочный часъ для любовныхъ свиданій,
 Ужасенъ полупочный часъ для бездомныхъ тѣней.
 Какъ сладко блаженство объятій и страстныхъ рыданій,
 И какъ безутѣшна печаль о возможномъ несбывшихся
 дней!

Прекрасенъ полуночный часъ для любовныхъ свиданій.

Земля не устанетъ любить, и любить безъ конца.
 Промчатся столѣтья и будутъ мгновеньемъ казаться,
 И горькія слезы польются, польются съ лица,
 И тотъ не устанетъ рыдать, кто любви былъ безспасень
 отдаться,

А міръ будетъ вѣчно любить, и любить безъ конца.

Франческа, Паоло, воздушныя нѣжныя тѣни,
 Вы свято любили, и свѣтитъ вамъ нѣжность въ Аду.
 Но горе тому, кто замедлилъ на первой ступени,
 Кто ввѣрится снамъ не посмѣлъ и всю жизнь протомился
 въ бреду.

Франческа, Паоло, въ несчастьи счастливыя тѣни!

* * *

Тебя я хочу, мое счастье,
Моя неземная краса!
Ты—Солнце во мракѣ ненастья,
Ты—ягучему сердцу роса!

Любовью къ тебѣ крыленный,
Я брошусь на битву съ судьбой.
Какъ колосъ, грозой опаленный,
Склонюсь я во прахъ предъ тобой.

За сладкій восторгъ упоенья
Я жизнью своей заплачу!
Хотя бы цѣной преступленья—
Тебя я хочу!

Быль покинуть очагъ. И скользящей стопой
На морскомъ берегу мы блуждали съ тобой.

Въ Небесахъ передъ нами сверкала Скорпионъ,
И преступной любви ослабительный сонъ

Очаровывалъ насъ все полнѣй и нѣжнѣй
Красотой содрогавшихся яркихъ огней.

Сколько таинства было въ полночной тини!
Сколько смѣлости въ монотонъ размахѣ души!

Цѣлый мѣръ задремалъ, не вставала волна,
Намъ никто не мѣшалъ выпить чашу до дна.

И какъ будто надъ нами виталъ Серафимъ,
Покрывалъ насъ крыломъ бѣлоснѣжнымъ своимъ.

И какъ будто съ Небесъ чуть слышался зовъ,
Чуть слышался зовъ неземныхъ голосовъ.

«Нѣтъ грѣха въ тѣхъ сердцахъ, что любовь пьютъ до дна,
Гдѣ любовь глубока—глубока и полна.

«Если жь стынетъ очагъ, пусть остынетъ совѣсь,
Тотъ, въ комъ чувство молчитъ, пусть совѣсь будетъ
нѣмъ».

И отъ прошлаго прочь шли мы твердой стопой,
Уходили все дальше, и дальше съ тобой.

Въ Небесахъ потускнѣлъ, поблѣднѣлъ Скорпионъ,
И пурпурной зарей былъ Востокъ напоенъ.

И пурпурной зарей озарился весь міръ:—
Просвѣтленной любви онъ привѣтствовалъ ширь.

Я ЖДУ.

Ужь почь зажигасть лампы
 Предь ликомъ пресвѣтымъ Творца.
 Пѣнителенъ ропотъ прохлады,
 И водная даль—безъ конца.

Мечта напѣваетъ мнѣ, вторя:—
 «Мой милый, желанный... Приду!»
 Надъ синею влагою Моря,
 Въ ладѣ легкрылой я жду.

Я жду, и завѣтное слово
 «Люблю» повторяю, любя,
 И все, что есть въ сердцѣ святого,
 Зоветь, призываетъ тебя.

Приди, о, любовь золотая,
 Простимся съ добромъ и со зломъ,
 Все Море отъ края до края
 Измѣряемъ быстрымъ весломъ.

Умчимся съ тобой въ безконечность,
 Къ дворцу сверхземной Красоты,
 Гдѣ мигъ превращается въ вѣчность,
 Гдѣ «я» превращается въ «ты».

Хочу несказанныхъ мгновений,
 Восторговъ безумно - святыхъ,

Признавй, любви, пѣснопѣнй
Петрунутыхъ струпь золотыхъ.

Тебѣ я отдамъ безвозвратно
Весь пылъ вдохновенной души,
Чѣмъ жизнь какъ цвѣтокъ ароматна,
Что дышетъ грядущимъ въ тиши.

Съ тобою хочу я молиться
Свѣтиламъ нездѣшней страны,
Обнягся, смѣшаться, и слиться
Съ тобой, какъ съ дыханьемъ Весны.

Съ тобою какъ призракъ я буду,
Какъ тѣнь за тобою пойду,
Всегда, неизмѣнно, повсюду...

Я жду!

МЕЖДУ НОЧЬЮ И ДНЕМЪ.

Immer weiter..

Goethe.

* * *

Восходящее Солнце, умирающій Мѣсяць,
 Каждый день я люблю васъ и жду.
 Но сильнѣе, чѣмъ Мѣсяць, и нѣжнѣе, чѣмъ Солнце,
 Я люблю Золотую Звѣзду.

Ту Звѣзду Золотую, что мерцаетъ стыдливо
 Въ предразсвѣтной мистической мглѣ,
 И въ молчаньи вечернемъ, холодна и прекрасна,
 Посылаетъ сиянье Землѣ.

Тѣмъ, кто днемъ утомился и враждой и заботой,
 Этотъ блескъ о любви говоритъ.
 Для того, кто во мракѣ тосковалъ беспросвѣтно,
 Онъ съ высотъ упованьемъ говоритъ.

Оттого такъ люблю я ту Звѣзду-Чаровницу:—
 Я живу между ночью и днемъ.
 Отъ нея мое сердце научилося брезжить
 Не побѣднымъ, но нѣжнымъ огнемъ.

ДАНТЕ.

ВИДѢНІЕ.

Пророкъ, съ душой восторженней поэта,
 Чуждавшейся малѣйшей тѣни зла,
 Одинъ, въ почвой тиши, вдали отъ свѣта,
 Молился онъ,—и Тѣль къ нему пришла.

Святая Тѣнь, которую увидѣть
 Здѣсь на землѣ немногимъ суждено.
 Тѣмъ избраннымъ съ ней говорить дано,
 Что могутъ безкорыстно ненавидѣть
 И быть всегда—съ Любовью заодно.

И долго Тѣль безмолвіе хранила,
 На Данте устремивъ пылливый взоръ.
 И вотъ, вздохнувъ, она заговорила,
 И вздохъ ея рѣчей звучаль ушью,
 Какъ вѣтра шумъ среди угрюмыхъ горъ.

«Зачѣмъ зовешь? Зачѣмъ меня тревожишь?
 Тебѣ одно могу блаженство дать,
 Ты молодъ, ты понять его не можешь:—
 Блаженство за другихъ душой страдать.
 «Тотъ путь суровъ. Пустынею безлюдной
 Среди песковъ онъ странника ведетъ.
 Достигнетъ ли изгнанникъ цѣли чудной,—
 Иль не дойдя безвѣстно упадетъ?»

«Осмѣянный глухой толпой людскою,
 Ты станешь ненавидящихъ любить,
 Питаться будешь пламенной тоскою,
 Ты будешь слезы собственные пить.
 «И холодна, какъ ледъ, людская злоба!
 Пытаясь тщетно цѣпи тьмы порвать,
 Какъ ложа ласкъ, ты будешь жаждать гроба,
 Ты будешь смерть, какъ друга, призывать!»

И отвѣчалъ мечтатель благородный:—
 «Не страшень мнѣ бездушной злобы ледъ,
 Любовью я согрѣю мракъ холодный.
 Я въ путь хочу! Хочу идти впередь!»

И долго Тѣнь безмолвіе хранила,
 Печальна и страдальчески-блѣдна.
 И въ Небесахъ, изъ темныхъ тучъ, уныло
 Взошла кроваво-красная Луна.

И говорила Тѣнь:—

«Себя отринутъ,
 Себя забыть—изобрашнику легко.
 Но тѣхъ, съ кѣмъ жизнь связалъ, навѣкъ покинуть,
 Отъ нихъ уйти куда-то далеко,—
 «Навѣкъ со веѣмъ, что дорого разстаться,
 Оставить свой очагъ, жепу, дѣтей,
 И много дней, и много лѣтъ скитаться,
 Въ чужой странѣ, среди чужихъ людей,—

«Какая скорбь! И ты ее узнаешь!
 И пусть тебѣ отчизна дорога,
 Пусть ты ее, любя, благословляешь,
 Она тебя отвергнетъ, какъ врага!
 «Придетъ ли день, ты будешь жаждаъ ночи,
 Придетъ ли ночь, ты будешь ждаъ утра,
 И всюду зло, и нѣтъ нигдѣ добра,
 И скрыть нельзя заплаканныя очи!
 «И ты поймешь, какъ горекъ хлѣбъ чужой,
 Какъ тяжелы чужихъ домовъ ступени,
 Поднимешься—въ борьбѣ съ самимъ собой,
 И внизъ пойдешь—своей стыдяся тѣни.
 «О, ужасъ, о, мучительный позоръ:—
 Выпрашиваетъ милостыню—Геній!»

И Данте ствѣчалъ, потупя взоръ:
 «Я принимаю бремя всѣхъ мученій!»

И Тѣнь его отмѣтила перстомъ,
 И вдругъ ушла, въ беззвучнн рыдая.
 И Данте въ путь пошелъ, изнемогая
 Подъ никому невидимымъ крестомъ.

ПОГИБШІЙ.

ДВА ОТРЫВКА ИЗЪ ПОЭМЫ.

1.

Ужъ ночь. Калитка заперта.
Аллея длинная пуста.

Окованъ блѣдною Луной,
Весь паркъ уснулъ во мглѣ ночной.

Весь паркъ не шелохнетъ листомъ.
И заколдованъ старыи домъ.

Могильны окна, лишь одно
Мерцаемъ свѣтъ озарено.

Не спитъ—взлпанникъ средь людей,—
И мысли другъ,—и врагъ страстей.

Онъ въ часъ любви, объятій, снова
Читаетъ книги мудрецовъ.

Онъ слышитъ, какъ плыветъ Луна,
Какъ дышетъ, шепчетъ тишина.

Онъ видитъ въ мірѣ міръ иной,
И въ немъ живетъ онъ часъ ночной.

Тотъ міръ—лишь въ немъ, и съ нимъ умереть,
Въ томъ мірѣ свѣточъ онъ беретъ.

То бѣглый свѣтъ, то краткій свѣтъ,
Но для него забвенья цѣтъ.

2.

Помогите! помогите! Я одинъ въ ночной тиши.
Цѣлый міръ ношу я въ сердцѣ, но со мною ни души.

Для чего кровавымъ потомъ обагрется чело?
Какъ мнѣ тяжело! Какъ мнѣ душно! Вѣковос давить зло!

Помогите! помогите! Но никто не внемлетъ мнѣ.
Только звѣзды, улыбаясь, чуть трепещутъ въ вышнѣ.

Только ликъ Луны мерцаетъ, да въ саду, среди вершинъ,
Шепчетъ вѣтеръ перелетный: Ты одинъ—одинъ—одинъ.

ТРИ СОНЕТА.

1. вопросъ.

Меня плѣшаетъ все: и свѣтъ, и тѣни,
И тучи мракъ, и красота цвѣтка,
Упорный трудъ, и пѣга тихой лѣни,
И бурный громъ, и шопотъ ручейка.

И быстрый бѣгъ обманчивыхъ мгновений,
И цѣнь событий, дящихся вѣка,
Во всемъ слѣды таинственныхъ велѣній,
Во всемъ видна Создателя рука.

Лишь одного постичь мой умъ не можетъ:—
Зачѣмъ Господь въ борьбѣ намъ не поможетъ,
Не сниметъ съ насъ терноваго вѣнца?

Зачѣмъ Онъ создалъ смерть, болѣзнь, страданье,
Зачѣмъ Онъ далъ намъ жгучее желанье—
Грѣшить, ронять, и проклинать Творца?

2. откликъ.

Кто тамъ вздыхаетъ въ пѣдрахъ темной бездны?
Чьи слезы льются скорбно по лицу?
Кто шлетъ свой крикъ безсильный въ мѣръ надзвѣздный,
Зывая святотатственно къ Творцу?

Богохуленья ропотъ бесполезный,
Слова упрека, отъ дѣтей къ отцу.

Пойметъ ли человѣкъ законъ желѣзный:—
Безъ вѣчныхъ мукъ пришелъ бы мѣръ къ концу.

Ужели маловѣрнымъ непонятно,
Что правда—только въ образѣ Христа?
Его слова звучать свѣтло и внятно.

«Я—жизни смыслъ, печаль и красота...
«Къ блаженству Я пришелъ стезей мученья...
«Смерть побѣдилъ Я свѣтомъ отреченья...»

3. библія.

Въ тиши полуразрушенной гробницы
Намъ истина является на мигъ.
Передо мной завѣтныя страницы,
То Библия, святая книга книгъ.

Людьми забытый, сладостный родникъ,
Текущій близъ покинутой станицы.
Въ раздумьи вокругъ него, склонивъ свой локъ,
Былыхъ вѣковъ столпились вереницы.

Я вижу узелъ жизни—строгій долгъ—
Въ суровомъ Пятикнижьи Моисея.
У Соломона, эллина-еврея,

Любовь и жизнь одѣты въ яркій шелкъ.
Но Іовъ жизнь клянеть, клянеть, блѣднѣя,
И этотъ стонъ донинѣ не умолкъ.

* * *

О, только бы знать, что могу я молиться,
Что можно молиться, кому я молюсь!
О, только бы въ мысляхъ, въ желаніяхъ слиться
Съ тѣмъ чистымъ, къ чему я такъ жадно стремлюсь!
И что мнѣ лишенья, и что мнѣ страданья,
И что мнѣ рыдающихъ струнъ тренетапья,—
Пусть буду я ждать и томиться года,
Безумствовать, падать во тѣмѣ испытанья,—
Но только бы вѣрить всегда,
Но только бы видѣть изъ бездны преступной,
Что тамъ, надо мной, въ высотѣ недоступной,
Горитъ—и не меркнетъ Звѣзда!

* * *

Свѣча горитъ и меркнетъ и вновь горитъ сильнѣй,
Но меркнетъ безвозвратно сіянье юныхъ дней.
Гори же, разгорайся, пока еще ты юнъ,
Сильнѣй, полнѣй касайся сердечныхъ звонкихъ струнъ,
Чтобъ было что припомнить на склоноѣ трудныхъ лѣтъ,
Чтобъ старости холодной свѣтили нетлѣнный свѣтъ—
Мечтаній благородныхъ, порывовъ молодыхъ,
Безумныхъ, но прекрасныхъ, безумныхъ—и святыхъ.

НАДГРОВНЫЕ ЦВѢТЫ.

Среди могилъ неясный шопоть,
 Неясный шопоть вѣтерка.
 Печальный вздохъ, тоскливый ропоть,
 Тоскливый ропоть ливняка.

Среди могилъ блуждаютъ тѣни
 Младенцевъ дѣвочекъ и отцовъ,
 И въ дверь церковную ступени
 Возвращать тѣни жертвецовъ.

Въ дверь церковную стучатся,
 Они стучатся до зари,
 Ноги ступеней не загораются
 На небѣ блѣдномъ янтари.

Тогда, понявъ, что жизнь минутна,
 Что безуспѣшна ихъ борьба,
 Рыдая горестно и смутно,
 Они идутъ въ свои гроба.

Вотъ почему подь утро блещуть
 Цвѣты надъ темною плитой:—
 Въ нихъ слезы горькія трепещуть
 О жизни—жизни прожитой.

ИЗЪ-ПОДЪ СЪВЕРНАГО НЕБА.

Изъ-подъ Сѣвернаго неба я ушелъ на свѣтлый Югъ,
Гдѣ звучнѣе поцѣлуй, гдѣ пышнѣй цвѣтущій лугъ.
Я хотѣлъ забыть о смерти, я хотѣлъ убить печаль,
И умчался беззаботно въ неизвѣданную даль.

Отчего же здѣсь на Югѣ мнѣ мерещится мятель,
Снятся снѣжные сугробы, тусклый Мѣсяцъ, сосны, ель?
Отчего же здѣсь на Югѣ, гдѣ широкъ мечты полетъ
Мнѣ такъ хочется увидѣть воды, убранныя въ ледъ?

Да, не понялъ я, не понялъ, что съ тоскливою душой
Не должны мы вдаль стремиться, въ край волшебный и
чужой!

Да, не понялъ я, не понялъ, что родимая печаль
Лучше, выше, и волшебнѣй, чѣмъ чужбины ширь и даль!

Полнымъ слезъ, туманнымъ взоромъ я вокругъ себя гляжу,
Съ обольстительнаго Юга вновь на Сѣверъ ухожу.
И какъ узникъ, полюбившій долгодѣтній мракъ тюрьмы,
Я отъ Солнца удаляюсь, возвращаясь въ царство тьмы.

БОЛЬНОЙ.

Ахъ, мнѣ хотѣлось бы немножко отдохнуть!
 Я такъ измучился, мнѣ въ тягость всѣ заботы,
 И ждать, надѣяться—нѣтъ силъ и нѣтъ охоты,
 Я слишкомъ долго жилъ, мнѣ хочется уснуть.
 Вотъ видишь, я усталъ. Я жилъ еще немного,
 Но слишкомъ долго жилъ: Мой день длиннѣй, чѣмъ годъ.
 Я столько зналъ тоски, я столько зналъ невзгодъ,
 Что безконечною мнѣ кажется дорога.
 Дорога прошлаго. Еще одна ступень,
 Еще ступень, еще... И вотъ слабѣютъ силы,
 И тѣни прошлаго мнѣ болѣе не милы,
 И ночь заманчива, и пенавистень день.
 Уснуть, навѣкъ уснуть! Какое наслажденье!
 И развѣ смерть страшна? Жизнь во сто кратъ страшнѣй.
 Всего несноснѣй цѣль минутъ, часовъ, и дней,
 Ужасно правды ждать и видѣть заблужденье,
 И пыль своей души безцѣльно расточать,
 Жить въ неизвѣстности мучительной и странной,
 И вѣчно раздражать себя мечтой обманпой,
 Чтобъ тотчасъ же ее съ насмѣшкой развѣнчать.
 Но ты не сердись? Я жалуясь, тоскую...
 Ну, нѣтъ, конечно нѣтъ... Я знаю, ты добра,
 О, запоздалая, о, нѣжная сестра!
 Дай руку мнѣ свою... вотъ такъ... Я поцѣлую,
 Я буду цѣловатьъ всѣ пальчики твои,—
 Ты знаешь, никогда мнѣ счастье не смѣялось,

И въ дѣтствѣ надо мной ни разу не склонялось
Родимое лицо съ улыбкою любви.
Но около тебя я полонъ чѣмъ-то новымъ,
Мнѣ кажется, что я отъ горя отдохнулъ.
Вотъ если бы еще немножко я уснулъ,
Съ постели я бы всталъ совсѣмъ-совсѣмъ здоровымъ...
А если я умру? Ты каждую весну
Вѣдь будешь приходить поплакать у могилы?
Ахъ, какъ-то странно мнѣ... Совсѣмъ теряю силы...
Послушай, не сердись... Я... кажется... усну!

МОРОЗНЫЕ УЗОРЫ.

Бьютъ часы. Бѣгутъ мгновенья.
Вечеръ вспыхнулъ и погасъ.
И настойчивы мученья
Въ этотъ поздній горькій часъ.
Лучъ Луны кладетъ узоры
На морозное стекло.
Сердца трепетные взоры
Ищутъ правды, видятъ зло.
Нѣтъ отрады, нѣтъ привѣта
Внѣ Земли и на Землѣ,
Въ царствѣ солнечнаго свѣта,
И въ холодной лунной мглѣ.
Миръ молчать, а сердце внемлетъ,
Мчатся годы и вѣка,
Не заснетъ и не задремлетъ
Неусталпая тоска.
Въ Небесахъ плывутъ Свѣтила
Безутѣшной чередой,
И безсмѣнно и уныло
Тучи стелются грядой.
Зло съ добромъ, печаль съ мечтою
Нераздѣльная семья,
И безцѣльной Красотою
Вспыхнулъ свѣточъ Бытія.
И какъ будто кто-то тонетъ
Въ этой безднѣ міровой,

Кто-то плачеть, кто-то стонеть
Полумертвый, но живой.
И бѣгутъ, бѣгутъ мгновенья,
Новый вечеръ вновь погасъ,
И настойчивы мученья
Въ этотъ поздній горькій часъ.
И напрасно ищутъ взоры
Разгадать добро и зло.
И Луна кладетъ узоры
На морозное стекло.

МЛЕЧНЫЙ ПУТЬ.

Мѣсяца не видно. Свѣтитъ Млечный Путь.
Голову сѣдую свѣсивши на грудь,
Спитъ ямщикъ усталый. Кони чуть идутъ.
Звѣзды межъ собою разговоръ ведутъ.
Звѣзды золотыя блещутъ безъ конца.
Звѣзды прославляютъ Господа Творца.
«Господи», спросонокъ прошепталъ ямщикъ,
И, крестясь, зѣваетъ, и опять поникъ.
И опять склонилъ онъ голову на грудь.
И скрипятъ полозья. Убѣгаетъ путь.

НЕСКОНЧАЕМЫЙ КОШМАРЪ.

Едва-едва горитъ мерцанье
 Пустынной гаснущей Луны,
 Среди безбрежной тишины,
 Среди бездоннаго молчанья.
 Иду одинъ... Вездѣ снѣга,
 Снѣга и льды, и воздухъ мертвый,
 Надъ мертвымъ царствомъ распростертый.
 Пустыни снѣжной берега
 Вдали рисуются туманно.
 На нихъ гигантскіе цвѣты,
 Въ распвѣтѣ блѣдной красоты,
 Встаютъ и гаснуть безпрестанно.
 Бросаю къ Небу тусклый взоръ
 И тамъ не вижу тверди синей:—
 Тамъ блѣдный, бѣлый, мертвый иней
 Силелся въ нависнувшій соборъ.
 Иду... Пространству нѣтъ предѣла!
 И въ этой страшной тишинѣ
 Мои шаги не слышны мнѣ.
 Мое замерзнувшее тѣло
 Бѣжитъ впередъ, скорѣй, скорѣй,—
 Голимю жаждою безцѣльной,

Бѣжать въ пустынь безпредѣльной.
И тѣни собственной моей
Не вижу въ этомъ бѣгѣ вѣчномъ,—
И лишь гигантскіе цвѣты,
Какъ вѣчныхъ снѣжныхъ горъ хребты,
Ростутъ въ пространствѣ безконечномъ!

НЕБЕСНАЯ РОСА.

День погасъ, и ночь пришла.
Въ черной тьмѣ душа свѣтла.
Въ смерти жизнь, и тасть смерть.
Неба гаснущая твердь
Новой вспыхнула красой:—
Тамъ серебряной росой,
Въ самой смерти жизнь любя,
Ночь усыпала себя.
Ходятъ Ангелы во мглѣ,
Слезы счастья шлютъ землѣ,
Славятъ свѣтлаго Творца,
Любятъ, любятъ безъ конца.

* * *

Ночью мнѣ видѣлся Кто-то таинственный,
Тихо склонялся Онъ, тихо шепталъ.
Лучшей надеждою, думой единственной,
Свѣтомъ нездѣшнымъ во мнѣ трепеталъ.

Ждалъ меня, звалъ меня долгими взорами,
Къ Небу родимому путь открывалъ,
Гимны отгуда звучали укорами,
Сонъ позабытый все ярче вставалъ.

Что отъ незримыхъ очей заслонялося
Тягью тѣлесною, грезами дня,
Все это съ ласкою нѣжной склонялося,
Выше и выше манило меня.

Пали преграды, и сладкими муками
Сердце воскресшее билось во мнѣ,
Тѣни вставали и таяли звуками,
Тѣли къ родимой влекли сторонѣ.

Звали Эдема воздушные жители
Въ царство, гдѣ Роза цвѣтетъ у Креста.
Вотъ ужъ я съ нимъ... Въ ихъ тихой обители...
«Гдѣ же я медлил?»—шептали уста.

ПОСЛЕДНЯЯ МЫСЛЬ ПРОМЕТЕЯ.

Вдали от блеска дня, вдали от шума,
 Я жилъ, не годъ, не два, а сотни лѣтъ.
 Тюремщикъ злой всегда молчалъ угрюмо,
 Онъ мнѣ твердилъ одно лишь слово:—«Нѣтъ».
 И я забылъ, что въ мѣрѣ дышетъ свѣтъ,
 И я забылъ, что значать звуки смѣха,
 Я ждалъ—чего-то ждалъ—хоть новыхъ бѣдъ.
 И мнѣ одна была дана утѣха:—
 Крича, будить въ тюрьмѣ грохочущее эхо.

Въ умѣ вставали мысли прежнихъ дней,
 И гасли вновь, какъ бѣглыя зарницы,
 Какъ проблески блуждающихъ огней,
 Какъ буквы строкъ ссылаемой страницы.
 И вмѣсто нихъ тянулись веревницы
 Насмѣшливыхъ кроваво-смутныхъ словъ,
 Какъ хищныя прожорливыя птицы,
 Какъ полчища уродливыхъ враговъ,
 Неслѣе онѣ ко мнѣ на звонъ моихъ оковъ.

И все же въ этой черной тьмѣ изгнанья
 Зажегся блескъ, зажегся, наконецъ,
 Ближняя и жгучая страданья
 Взвелѣяли сверкающій вѣнецъ,

И первый луч смѣялся, какъ гонецъ
Моей весны, душистаго разсвѣта,
Со вздохомъ я привѣтствовалъ конецъ
Ночной тоски въ пустынѣ безъ отвѣта,

И видѣлъ взглядъ любви, и слышалъ гулъ привѣта.

И вотъ я вновь живу среди людей,
Подъ Солнцемъ ослѣпительно-лучистымъ.

И вижу я дѣтей моихъ дѣтей,

Внимаю въ полдень птичкамъ голосистымъ,

Роптанью травъ, струямъ кристально-чистымъ.—

Но я опять вернулся бы въ тюрьму,

Къ уступамъ скалъ, безжизненнымъ и млистымъ,

Когда бы зналъ, что, выбравъ скорбь и тьму,

Я съ чьей-нибудь души тяжелый грѣхъ сниму!

НА МОТИВЪ ПСАЛМА XVIII-го.

Ночь почи открывасть знанье,
 Дню ото дня передается рѣчь.
 Чтобъ славу Господа непогрѣшной сберечь,
 Возславить Господа должны Его созданья.

Все отъ Него—и жизнь, и смерть.
 У ногъ Его легли, простеряясь бездны,
 О помыслахъ Его вѣщастъ громко твердь,
 Во славу дѣль Его сияетъ свѣточъ звѣздный.

Выходитъ Солнце-исполнѣнь,
 Какъ будто бы жемчжъ изъ брачнаго чертога,
 Смѣется свѣтлый ликъ луговъ, садовъ, долинъ,
 Отъ края въ край небесъ плетъ его дорога.

Святъ, святъ Господь, Зиждптель мой!
 Передъ лицомъ Твоимъ разсѣялась забота.
 И сладостнѣй, чѣмъ медь, и слаще капель сота
 Единоы жизни мигъ, дарованный Тобой!

ВЪ БЕЗВОДНОМЪ КОЛОДЦѢ.

Межь стѣнь отсырѣвшихъ, покрытыхъ грибокамъ,
 Въ безводномъ колодцѣ, на днѣ, глубоко,
 Мы ждемъ, притаившись, и дышемъ легко,
 И звѣзды въ Лазури сіяютъ надъ нами,—

Лучистыя звѣзды, горящія днемъ
 Для тѣхъ, кто умѣетъ во тьму опускаться,
 Чтобъ въ царствѣ беззвучья полнѣе отдаться
 Мечтамъ, озареннымъ небеснымъ огнемъ.

Вдали отъ людского нестройнаго гула,
 Не видя, какъ скользкая плѣсень растетъ,
 Мечтой мы бѣжимъ все впередъ и впередъ.—
 Вселенная сномъ безмятежнымъ уснула.

И чище, чѣмъ свѣтъ суетливаго дня,
 Воздушнѣй, чѣмъ звуки земныхъ пѣснопѣній,
 Средь звѣздъ пролетаетъ блуждающій Геній,
 На лютиѣ незримой чуть слышно звеня.

И въ Небѣ какъ будто расторглась завѣса,
Дрожить отъ восторженныхъ мукъ небосклонъ,
Трепещуть Плеяды, блеститъ Оріонъ,
И брезжитъ далекій огонь Геркулеса.

Сплетаются звѣзды—и искрятся днемъ
Для тѣхъ, кто умѣетъ во тьму опускаться,
Для тѣхъ, кто умѣетъ во тьмѣ отдаваться
Мечтамъ, озареннымъ небеснымъ огнемъ.

* * *

И Сонъ и Смерть равно смекають очи,
Кладуть предѣлъ волненіямъ души,
На смѣну дня приводятъ сумракъ ночи,
Даютъ страстямъ заснуть въ нѣмой тиши.

И въ чьей груди еще живетъ стремленье,
Къ тому свой взоръ склоняетъ Ангелъ Сна,
Чтобъ онъ узпалъ блаженство пробужденья,
Чтобъ за зимой къ нему пришла весна.

Но кто постигъ, что вѣчный мракъ—отрада,
Съ тѣмъ вступитъ Смерть въ союзъ любви живой,
И отъ ея внимательнаго взгляда
Къ страдалцу сонъ исходитъ гробовой.

НА МОТИВЪ ЭККЛЕЗИАСТА.

Родъ проходитъ и снова приходитъ,
Вновь къ истокамъ стекаются рѣки,
Солнце всходитъ, и Солнце заходитъ,
А Земля пребываетъ вѣки.

Вѣтъ вѣтеръ отъ Сѣвера къ Югу,
И отъ Юга на Сѣверъ стремится,
И бѣжитъ онъ во мракѣ по кругу,
Чтобы снова подъ Солнцемъ кружиться.

Суета! Что премудрость и знанье!
Намъ одно всё вѣка завѣщали:—
Тотъ, кто хочетъ умножить познанья,
Умножаетъ тѣмъ самымъ печали.

Полдень жжетъ ослѣпительнымъ зноемъ,
Ночь смиряетъ нѣмымъ усыпленьемъ:—
Лучше гореть съ невозбраннымъ покоемъ,
Чѣмъ пригоршни съ трудомъ и томленьемъ.

Смѣхъ напрасель, забота сурова,
И никто ничего не откроетъ,
И ничто здѣсь подъ Солнцемъ не ново,
Только Смерть—только Смерть успокоитъ!

ВОСКРЕСШИЙ.

Полуизломанный, разбитый,
 Съ окровавленной головой,
 Очнулся я на мостовой,
 Лучами яркими облитой.

Зачѣмъ я бросился въ окно?
 Цѣною страшнаго паденья
 Хотѣлъ купить освобожденье
 Отъ узъ, наскучившихъ давно.

Хотѣлъ убить змѣю печали,
 Забыть позоръ погибшихъ дней...
 Но пять воздушныхъ сажений
 Моихъ надеждъ не оправдали.

И вдругъ открылось мнѣ тогда,
 Что все, что сдѣлалъ я,—преступно.
 И было Небо недоступно,
 И высоко, какъ никогда.

Въ себѣ унизивъ человѣка,
 Я отъ своей ушелъ стези,
 И вотъ лежалъ теперь въ грязи,
 Полурастоптанный калѣка.

И сквозь столичный шумъ и гулъ,
 Сквозь этотъ грохотъ безучастный
 Ко мнѣ донесся звукъ неясный,
 Знакомый духъ ко мнѣ прильнулъ.

И смутный шопоть, замирая,
 Вдыхалъ чуть слышно надо мной,
 И былъ тотъ шопоть—звукъ родной
 Давно утраченнаго трая:—

«Ты не исполнилъ свой предѣлъ,
 Ты захотѣлъ успокоенья,
 Но пужно заслужить забвенья
 Самозабвеньемъ чистыхъ дѣлъ.

«Умри, когда отдашь ты жизни
 Все то, что жизнь тебѣ дала,
 Иди сквозь мракъ земного зла,
 Къ небесной радостной отчизнѣ.

«Ты обманулся самъ въ себѣ
 И въ той, что лъетъ теперь рыданья,—
 Но это мелкія страданья.
 Забудь. Служи иной судьбѣ.

«Душой отзывною страдая,
 Страдай за міръ, живи съ людьми,
 И послѣ—мой вѣнецъ прими»...
 Такъ говорила тѣнь святая.

То Смерть-владычица была,
Она явилась на мгновенье,
Дала мнѣ жизни откровенье
И прочь—до времени—ушла.

И новый, лучший день, алѣя,
Зажегся для меня во мглѣ.—
И прикоснувшись къ землѣ,
Я всталъ съ могуществомъ Антея.

* * *

Символь смерти, символъ жизни, бьетъ полночный часъ.
Чтобы новый день зажегся, старый день угасъ.

Содрогнулась ночь въ зачатъи новыхъ бодрыхъ силъ,
И заплаканныя тѣни вышли изъ могилъ.

Лишь на краткія мгновенья мраку власть дана,
Чтобъ созрѣла возрожденья новая волна.

Каждый день понинѣ видимъ чудо изъ чудесъ,
Всходитъ Солнце, свѣтитъ міру, гонитъ мракъ съ Небесъ.

Міръ исполненъ восхищенья миллионы лѣтъ,
Видя тайну превращенья тьмы въ лучистый свѣтъ.

* * *

Горящій атомъ, я лечу
Въ пространствахъ—сердцу лишь извѣстныхъ,
Остановиться не хочу,
Покорный жгучему лучу,
Который жнетъ въ поляхъ небесныхъ
Колосья мыслей золотыхъ
И съ неба зерна посылаетъ,
И въ этихъ зернахъ жизнь пылаетъ,
Сверканье блестокъ молодыхъ,
Огни для атомовъ мятежныхъ,
Что мчатся, такъ же, какъ и я,
Въ туманной мглѣ пустынь безбрежныхъ,
Въ бездонныхъ сферахъ Бытія.

Да, я вижу, да, я знаю: Въ этой жизни счастья нѣтъ.
Счастье брезжить, какъ мерцанье умирающихъ планетъ.

Тамъ въ пространствахъ недоступныхъ, вѣчно полныхъ
тишины,
Ярко дышуть, ярко свѣтятъ Неба огненные сны.

Дышуть стройныя Свѣтила, блещутъ только для себя,
Къ намъ невольный свѣтъ бросаютъ, пасъ, безвѣстныхъ,
не любя.

Милліоны, міриады нескончаемыхъ вѣковъ,
Мы, отринутые, стонемъ, слыша звонъ своихъ оковъ.

Мы не знаемъ, гдѣ родится новой истины звѣзда.
Нами правятъ два проклятья: Навсегда и Никогда.

Навсегда въ предѣлахъ жизни, къ мнимои смерти мы
идемъ,
И страданье намъ смѣется надъ обманчивымъ путемъ.

Къ намъ доходитъ свѣтъ небесный—въ часъ когда умереть
звѣзда.

И съ живой душой обняться мы не можемъ никогда.

ПЕРЕВОПЛОЩЕНИЕ.

За краткій мигъ существованья
 И сотни лѣтъ готовъ страдать,
 И новыхъ—новыхъ пытокъ ждать
 За эту сладость упованья,
 Что въ тусклой мглѣ небытія
 Зажгутся быстрою слезою
 Цвѣты, спаленные грозою,
 И брызнетъ звонкій всплескъ ручья,
 И сонъ любви, какъ призракъ, встанетъ,
 И вновь и вновь меня обманетъ
 Улыбкой блѣднаго лица,
 И крикъ души сквозь Вѣчность грянетъ
 Восторгомъ жгучимъ безъ конца!

* * *

За предѣлы предѣльнаго,
Къ безднамъ свѣтлой Безбрежности!

Въ ненасытной мятежности,
Въ жаждѣ счастья цѣльнаго,

Мы, воздушные, летимъ,
И помедлить не хотимъ.

И едва качаемъ крыльями.

Все захватимъ, все возьмемъ,
Жаднымъ чувствомъ обойдемъ!

Дерзкими усилями
Устремляясь къ высотѣ,
Дальше, прочь отъ грани тѣсной,—

Мы домчимся въ міръ чудесный,
Къ неизвѣстной

Красотѣ!

СОДЕРЖАНИЕ.

СОДЕРЖАНИЕ.

	Стр.
Уходящія тѣни	11
1. За предѣлы.	
Болотныя лиліи	15
Все мнѣ грезится	16
На дальнемъ полюсѣ	17
Камыши	19
Подводныя растенья	20
Пустыня	21
Змѣнный глазъ	22
Гибель	24
Вечерній свѣтъ погасъ	25
Исполинскія горы	27
Ковыль	28
Океанъ	29
Вѣчно-безмолвное Небо	30
Лебедь	31
Безпріютность	33
Надъ пучиной морской	34
Въ пещерѣ	35

Аюдагъ	37
Въ этой жизни смутной	38
Нѣтъ, не могу я заснуть	39
Въ часъ разсвѣта	40
Вѣтеръ	41
Призраки	42
Зарожденіе ручья	43
Духъ вѣтровъ	44
Вѣтеръ перелетный	45
Ручей	46
Утомленное Солнце	47
Звуки прибоя	48
Морское дно	50
Кто это ходитъ	51
Островъ цвѣтовъ	53
Туманы	55
Чахлая сосны	56

2. Любовь и тѣни любви.

Въ пустынь безбрежнаго Моря	59
Первая любовь	61
Ночь	62
Баюшки - баю	64
Не могу я забыть	66
День за днемъ	67
Въ золотистомъ туманѣ	68
Оазисъ	69
Колеблются стебли	70
Въ молчаньи забывшейся ночи	72
Не буди воспоминаній	73
Тріолеты	74
Русалки	76
Поздно	77

	Стр
Аргули	79
Мэри	80
Скрипка	81
Трубадуръ	82
Слова любви	83
Смѣшались дни и ночи	84
Беатриче	86
Отчего	87
Черноглазая лань	88
Я боюсь, что любовью кипучей	89
Ночные цвѣты	90
Колыбельная пѣсня	92
Засвѣтилася лампада	93
Лунный лучъ	95
Предъ разсвѣтомъ	96
Эльзи	97
Въ стыдливости нѣмой	101
Непоправимое	102
Тебя я хочу	103
Быль покинуть очагъ	104
Я жду	106

3. Между ночью и днемъ.

Восходящее Солнце	111
Данте	112
Погибшій	115
Три сонета	
Вопросъ	117
Откликъ	117
Библия	118
О, только бы знать	119
Свѣча горить и меркнетъ	120
Надгробные цвѣты	121

	Стр.
Изъ - подъ Сѣвернаго неба	122
Большой	123
Морозные узоры	125
Млечный путь	127
Нескончаемый кошмаръ	128
Небесная роса	130
Ночью мнѣ видѣлся	131
По-лѣдняя мысль Прометея	132
На мотивъ псалма XVIII-го	134
Въ безводномъ колодецѣ	135
Сонъ и Смерть	137
На мотивъ Экклезиаста	138
Воскресшій	139
Полночный часъ	142
Горящій атомъ	143
Да, я вижу	144
Перевоплощеніе	145
Къ неизвѣстной Красотѣ	146

Эта книга отпечатана в типографии «ПЕЧАТНОЕ
ИСКУССТВО» в количестве 5.000 экземпляров на
обыкновенной бумагѣ и 300 нумерованныхъ экземпляр-
овъ на бумагѣ верже.

ВЪ БЕЗБРЕЖНОСТИ.

Четырнадцатая тысяча.